

Тезисы докладов Четырнадцатых Шмелёвских чтений «Русская разговорная речь начала XXI века»

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН
Москва, 23–25 февраля 2023

Содержание

<i>О. В. Антонова</i> (Москва). О некоторых особенностях акцентных парадигм существительных ж. р. и м. р. в устной речи носителей литературного языка.	6
<i>Е.Э. Бабаева</i> (Москва). <i>Мадам</i> : коннотативный потенциал одного заимствования.	7
<i>Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова</i> (Екатеринбург). Разговорная лексика русского языка в лексикографическом освещении: денотативно-идеографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций».	8
<i>Е. Э. Базаров</i> (Москва). «Малый академический словарь» vs «Академический толковый словарь русского языка»: особенности отражения сниженной лексики.	9
<i>А. Н. Байкулова</i> (Саратов). Функциональные варианты разговорной речи.	10
<i>Л. В. Балашова</i> (Саратов). Разговорные метафоры со значением оценки человека в языке и речи XXI в.	11
<i>Е. Г. Басалаева</i> (Новосибирск), Семантико-стилистические особенности лексики обонятельного восприятия в парфюмерном дискурсе.	12
<i>Н. А. Баранов, Д. О. Добровольский</i> (Москва). Динамика функционирования новых дискурсивных практик.	12
<i>Е. Н. Басовская</i> (Москва). Разговорный стиль в медийном осмыслении.	13
<i>Е. Л. Березович</i> (Екатеринбург). Нонстандартная лексика: есть ли разрешающий смысл у термина? (на примере нонстандартной лексики камня в русском языке).	14
<i>Н. Г. Брагина</i> (Москва). Прагматика и культурная семантика речевых клише в словаре.	15
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> (Москва). Местный язык как знак самобытности в современном сознании.	15
<i>Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская</i> (Новосибирск). Динамические процессы в разговорной эмотивно-оценочной лексике (корпусное исследование).	16
<i>Бурлак С. А.</i> (Москва). История одного суффикса: морфонология в разговорной речи.	18
<i>Владислава Вардиц</i> (Потсдам). Социолингвистический и коммуникативный статус языка русской диаспоры.	19

<i>И. Т. Венрева</i> (Екатеринбург). Новые сферы употребления РР: эргонимы-реплики в ономастическом пространстве города.	20
<i>Е. И. Голанова</i> (Москва). Проблема лексикографического описания имен, употребляемых в разговорной речи в значении «множество, большое количество».	21
<i>Т. М. Григорьева</i> (Красноярск). Феномен разговорности в проповедях Протоиерея Андрея Ткачева.	22
<i>Е. С. Громенко</i> (Санкт-Петербург). QR-код от термина к слову разговорной речи.	23
<i>В. В. Дементьев</i> (Саратов). Новые жанры русской разговорной и нелитературной речи и их метафорические и неметафорические номинации.	24
<i>Дымарский М. Я., Копосова М. Р.</i> (Санкт-Петербург). К интонационному оформлению так называемых «нерасчлененных» высказываний.	25
<i>А. Н. Еремин</i> (Калуга). Семантика и типы прагматических значений, относящихся к лицу.	26
<i>Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева</i> (Пермь). Разговорная, просторечная и региолектная лексика в речи жителей города: социолингвистический.	28
<i>О. С. Иссерс</i> (Омск). Разговорная речь как ресурс коммерческих номинаций городских объектов.	29
<i>Е. В. Какорина</i> (Москва). Семантические конденсаты как особые типы номинаций в разговорной речи.	30
<i>М. Л. Каленчук</i> (Москва). Существует ли феномен разговорного ударения?	31
<i>А. В. Каминская</i> (Санкт-Петербург). «Хочу услышать родной голос»: голосовое сообщение как реализация особых коммуникативных функций повседневного общения.	32
<i>Е. С. Кара-Мурза</i> (Москва). Стилистический спектр российской «журналистики стиля жизни» через оппозицию разговорности и книжности.	34
<i>В. И. Карасик</i> (Москва). Коммуникативные запреты нашего времени.	35
<i>Н. И. Киреев</i> (Москва). Хорошо забытые старые слова в современном языке: <i>ибо</i> и <i>дабы</i> .	36
<i>А. Д. Козеренко, К. Л. Киселева</i> (Москва). <i>Изи катка, ван лав, Добби свободен</i> и другие частотные разговорные неологизмы: источники и механизмы идиоматизации.	37
<i>Н. И. Клушина</i> (Москва). Русская разговорная речь в Интернете: категория разговорности и «новая устность».	38
<i>С. В. Князев</i> (Москва). Интонация ответных диалогических реплик в архангельских говорах и литературный контур ИК-4.	39
<i>Н. В. Козловская</i> (Санкт-Петербург). Разговорная лексика в Интернет-	40

сообществе «Клуб финских дачников».

- М. А. Кормилицына* (Саратов). О статусе разговорной речи и ее месте в изменяющемся коммуникативном пространстве России начала XXI века. 40
- Г. Е. Крейдлин* (Москва). *Е. Я. Шмелёва* (Москва). Параязык в русской разговорной речи XXI века: функции, значение, употребление. 42
- С. А. Крылов* (Москва). Опыт создания металингвистического корпуса работ Московской школы функциональной социолингвистики. 42
- Л. П. Крысин* (Москва). «Жестовые» слова и их описание в толковом словаре. 43
- О. Ю. Крючкова* (Саратов). Некодифицированные лексические элементы в речи диалектоносителей. 44
- А. С. Кулева* (Москва). Стилистический статус и лексикографическая фиксация разговорных названий растений. 45
- Н. А. Купина* (Екатеринбург). Аксиологическая составляющая диалогического общения горожан-уральцев. 46
- И. Б. Левонтина* (Москва). Как уст румяных без улыбки. О механизмах грамматических ошибок. 46
- А. Б. Летучий* (Москва). Семантическое согласование по множественному числу с названиями коллективов в русской разговорной речи и интернет-коммуникации 47
- А. В. Мальшева* (Москва). Выбор падежа прямого объекта при глаголе в конструкциях с усилением отрицания 48
- Т. В. Матвеева* (Екатеринбург). К проблеме фразового словаря разговорной речи. 49
- Н. Б. Мечковская* (Минск). Первый академический проект по исследованию разговорной речи: лингвистические открытия и концептуальные следствия. 50
- Т. А. Милёхина* (Саратов). Официальное, разговорное и виртуальное в современной устной деловой коммуникации. 51
- Е. Н. Никитина, М. А. Станкевич* (Москва). Я и другие в конструкциях с семантикой эмоционального отношения. 52
- Е. А. Никишина* (Москва). Слова *фигушки* и *хренушки* как специфическое средство выражения отрицания в русской разговорной речи 53
- Е. В. Осетрова* (Красноярск). Оценка и варианты ее контекстного развития в повседневной речи. 55
- З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева* (Москва). Разговорные метафоры и сравнения в структуре повествования (на материале современной русской прозы). 56
- А. Р. Пестова* (Москва). Изменение стилистического статуса слова в свете корпусных данных. 57
- М. Н. Приемьшева* (Санкт-Петербург). Лингвокреативный потенциал русской разговорной речи (по материалам «Словаря русского языка коронавирусной

эпохи»).

- А. В. Птенцова* (Москва). *Очень женщина и немножко блондинка*: об одном случае нестандартной сочетаемости наречий степени в современном русском языке. 59
- Е. В. Пурицкая* (Санкт-Петербург). Интерпретация диалектной лексики в современных словарях литературного языка и проблема нормативности. 60
- А. А. Раскина* (Новый Орлеан, США). «Вам наслайсать или писом?». 61
- Е. В. Рахилина* (Москва). Вполне приличный доклад. 62
- Н. Н. Розанова* (Москва). «Имя ситуации» как особый тип номинации в РР и проблемы их словарного описания. 63
- Р. И. Розина* (Москва). Скванные одной цепью: междометия и глаголы в русской разговорной речи. 64
- О. И. Северская* (Москва). «Сюда я больше ... не едок?» (Об экспансии императива *едь!* в разговорной речи последних десятилетий). 65
- О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева* (Саратов). Об активных процессах в современной разговорной речи. 66
- Е. В. Скачкова* (Москва). Множественная интенсификация непроцессуального признака: об одной особенности русской разговорной речи. 67
- О. В. Соколова* (Москва), *Е. В. Захаркив* (Москва). Аномальное употребление дискурсивных слов как маркеров разговорной речи в современной поэзии. 68
- О. В. Трефилова* (Москва). *О волонтьере*. 69
- Е. В. Урысон* (Москва). Единицы *не доходя / не доезжая (до станции)*: употребление, грамматический статус. 70
- И. В. Фуфаева* (Москва), *О. Г. Згировская* (Москва). Проблемы лексикографического описания разговорных феминитивов. 70
- И. А. Шаронов* (Москва). Стереотипные единицы диалога. 71
- О. А. Шарыкина* (Москва). *Ахнуться, шмякнуться* и другие глаголы со значением 'упасть' и 'удариться' в «Толковом словаре русской разговорной речи» 72
- Л. Л. Шестакова* (Москва). Стилистически сниженная лексика как часть словаря современной поэзии. 73
- К. М. Шилихина* (Воронеж). *По сути и по существу*: маркеры эпистемической оценки в устной речи и компьютерно-опосредованной коммуникации 74
- А. Д. Шмелев* (Москва). Прагматикализация в разговорной речи. 75
- Е. Я. Шмелева* (Москва). Конкурсы «Слово года»: принципы отбора лексики 76
- Сабољч Янурик* (Будапешт). Новые глаголы-англицизмы в русской разговорной речи начала XXI века как объект лексикографии 76

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ Ж. Р. И М. Р. В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Нередки случаи, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе носителей литературного языка; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. С другой стороны, возможно и обратное: словари не содержат сведений об устарелых вариантах, которые сохранились (благодаря знанию классических текстов) в речи образованных людей, и в качестве рекомендованного выступает произношение, противоречащее примерам из классической поэзии. Такие расхождения многочисленны, и в докладе мы рассмотрим три их разновидности:

- а) словарная рекомендация противоречит узусу говорящих на литературном языке;
- б) словарь не содержит достаточных сведений о вариантах, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в текстах русской литературы XVIII – нач. XX века, широко известных читателю;
- в) словарь не содержит рекомендаций относительно новой, актуальной лексики, широко распространенной в устной речи.

Таким образом, при устранении указанных противоречий необходимо учитывать два вида расхождений:

- а) расхождения в орфоэпических рекомендациях в различных словарях;
- б) расхождение словарной информации с узусом говорящих на литературном языке.

Так, в современном русском литературном языке лексема *паж* в формах косвенных падежей ед. ч. и в подпарадигме мн. ч. имеет флексийное ударение, т. е. произносятся ед. ч. *пажá*, *пажу́*, мн. *пажи́*, *паже́й*. При этом большинство орфоэпических словарей игнорируют формы с наосновным ударением, частотные для текстов классической поэзии.

В словарях русского языка акцентуация падежей подпарадигмы мн. ч. лексемы *пан* расценивается неодинаково. Формы мн. ч. *па́ны*, *па́нов*, *па́нам* с ударением на корне в орфоэпических словарях обычно сопровождаются запретительными пометами (либо

вообще не приводятся). Однако такие рекомендации не соответствуют узусу, и должны быть скорректированы.

В речи говорящих на литературном языке, вопреки рекомендациям словарей, возможна только форма *сковородáми*, что подтверждается орфоэпическими экспериментами (то же характерно для И. п. слова *агронóмия*). В словах же *гастрóномия*, *ветеренáрия*, *танцóвщица* наблюдаются серьезные колебания в узусе, требующие словарной фиксации.

Слово *партёр* в значении «положение в спорте» отсутствует в орфоэпических словарях (не зафиксирован и вариант ударения *пáртер*, принятый в спортивной среде).

Доклад опирается на данные устного и поэтического полкорпусов НКРЯ, данные лингвистических экспериментов, записи телепередач и устной речи носителей литературного языка.

Итак, представляется важным:

- 1) устранить противоречия между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом носителей литературного произношения.
- 2) скорректировать орфоэпические рекомендации в словарях, дополнив их.

При этом зачастую решение для каждой лексемы (а порой и словоформы) следует принимать с учетом индивидуальных научных изысканий.

Е. Э. Бабаева (Москва)

ИРЯ РАН

МАДАМ: КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Слово *мадам*, заимствованное в русский язык в начале XVIII в., очень быстро вступило в конкурентные отношения со словом *госпожа*, а также с галлицизмами *дама* и *гувернантка*. В качестве статусного титула существительное *мадам* могло функционировать в соответствии с франц. *madame*, при этом оно достаточно регулярно употреблялось в макаронических текстах. Данное существительное с самого начала XVIII в. имело вариант *мадама*, который не мог использоваться как статусный титул, а кроме того отличался от *мадам* морфологически — возможностью словоизменения. Особенностью использования слова *мадам* в иных «нестатусных» значениях, развившихся уже в пределах русского языка, а также слова *мадама* является их устойчивая стилистическая маркированность в качестве разговорного или просторечного элемента. Слово *мадам* развило, в частности, значение ‘женщина’ (ср. франц. *dame*), по всей видимости, семантически связанное с функцией обращения. На протяжении всего периода

бытования в русском языке, в том числе и в современном узусе, существительное *мадам*, используя в данном значении, может выражать ироническое отношение говорящего. Это ироническое отношение базируется на коннотациях, которые, меняясь на протяжении времени, подпитывались и подпитываются экстралингвистическими факторами.

Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова (Екатеринбург)

УРФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

**РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: ДЕНОТАТИВНО-
ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА
«АЛФАВИТ ЭМОЦИЙ»)¹**

Предмет рассмотрения в докладе – эмотивная лексика русского языка, употребляемая в разговорной речи. Цель исследования – обнаружить закономерности ее категоризации, концептуализации и особенности употребления, которые выявляются на основе сопоставлении этого множества слов с нормативной литературной лексикой аналогичного семантического класса. Материалом наблюдения послужили данные словаря-тезауруса «Алфавит эмоций»², словник которого содержит 11210 единиц описания, в том числе 2073 разговорных слова, что составляет 18% представленной в нем эмотивной лексики. В словаре эмотивная лексика распределена по 39 денотативно-идеографическим группам (далее – ДИГ), в составе которых соотношение литературной и разговорной лексики различно. Наблюдаются определенные приоритеты отображения эмоций в разговорной речи, обнаруживаемые в количественном аспекте и проявляющиеся в то же время в когнитивно-дискурсивных стратегиях выбора актуальных для нее типов номинаций эмоций. Обнаружены следующие тенденции представленности разговорной эмотивной лексики в разных ДИГ: 1) **высокая частотность**: *Грусть* (8%), *Любовь* (7%), *Неприязнь* (7%), *Горе* (6%). Всего: 4 ДИГ - 28 %. 2) **средняя частотность**: *Беспокойство* (5%), *Злость* (5%), *Удивление* (4%), *Настойчивость* (4%), *Стыд* (4%) и др. Всего: 11 ДИГ - 40 % 3) **сверхнизкая частотность**: 24 ДИГ – с частотностью 1-2%, составляющие всего 32 %.: *Бесстыдство* (2%), *Вражда* (2%), *Высокомерие* (2%), *Доброта* (2%), *Дружба* (2%), *Одиночество* (2%), *Вера* (1%), *Жалость* (1%), *Желание* (1%) и др. Таким образом, 15 ДИГ из 39 включает в свой состав около 70% разговорной лексики, преимущественно отрицательной эмоционально-оценочной семантики. В докладе также будут рассмотрены

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 16-18-02005).

² Л.Г.Бабенко. «Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики». – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021. – 432 с.

особенности когнитивно-дискурсивной интерпретации эмоций, случаи ментальной интеграции эмотивной разговорной лексики.

Е. Э. Базаров (Москва)

ИРЯ РАН

«МАЛЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» VS «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»: ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Словарное представление современной русской лексики, как известно, предполагает адекватное описание не только лексического значения слова, но и его стилистических особенностей. Задача стилистической стратификации лексики в особенности актуальна, когда речь идет о нормативных общих толковых словарях, к числу которых относится «Академический толковый словарь русского языка» [АТoS], издаваемый в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Основой АТoS послужил «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1–4; М., 1981–1984) [МАС]. Несомненно, АТoS отражает изменения, произошедшие в лексике современного русского языка после выхода МАСа, в том числе изменения стилистического статуса языковых единиц.

В АТoSе, в дополнение к масовским пометам, маркирующим лексические единицы сниженной окраски (*разг.*, *прост.*, *обл.*), были введены новые пометы — *проф.*, *жарг.*, *сленг.* Этими пометами снабжаются не только включенные в словник АТoSа новые слова и значения (*разг.* — *безнал*, *бюджетник*; *прост.* — *алкаш*, *бомжевать*; *жарг.* — *безбашенный*, *грохнуть* ‘убить, застрелить’; *проф.* — *бой* ‘хрупкие сухие продукты, раздробленные на мелкие кусочки вследствие неправильного хранения, пере возки и т. п., а также битые яйца’; *сленг.* — *баксы*), но и уже описанные МАСом лексические единицы. К примеру, пометой *проф.* снабжены прежде выделенные в МАСе значения *барашек* ‘гайка с двумя ушками или дужкой, позволяющими завинчивать ее вручную’, *берег* ‘суша (в противоположность воде)’; пометой *прост.* маркировано значение *брать* ‘собирать’ (*брать грибы и ягоды*). Словарная статья *гололед* в МАСе, отсылающая к статье *гололедица*, не содержит каких-либо стилистических помет; в АТoSе же значения слов *гололед* и *гололедица* были уточнены, при этом употребление слова *гололед* в качестве синонима слова *гололедица* квалифицировано как разговорное (равно как и употребление слова *гололедица* в качестве синонима слова *гололед*). В докладе предполагается более подробно рассмотреть преобразованные схожим образом словарные статьи.

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В разных средах неофициального общения (НО) при сохранении общих свойств разговорной речи (РР) возникают речевые различия, обусловленные спецификой существующих разновидностей НО и фактором социального статуса коммуникантов: семейное, родственное, дружеское общение, общение знакомых и незнакомых людей. Это позволило выявить функциональную дифференциацию РР и существование её вариантов.

Развитие НО вследствие использования компьютерных технологий, средств электронного общения привело к новым возможностям речевого контакта по телефонной связи: электронные письма, чаты, общение с видеоизображением (телекоммуникационное приложение Skype и др.), обмен голосовыми сообщениями (ГС) по голосовой почте. Возникает вопрос: возможна ли РР в опосредованном НО, ведь одним из важнейших условий её реализации считается фактор непосредственного контакта говорящих.

В устной форме передаются ГС, к которым коммуниканты прибегают прежде всего в целях обмена информацией: (мать) *Дочь / привет // Я тебя записала к Ирине на восемь;* (дочь) *Приветик / мам! Я уже еду // Что ты там говорила надо купить?* В сфере повседневного НО ГС, как и РР, свойственны: устность, персональная адресованность, спонтанность, непринуждённость, мгновенность передачи сообщения. Носители литературного языка в ГС, как показывают наблюдения, следуют нормам РР.

Опосредованность ГС техническим устройством влечёт за собой, с одной стороны, ограничение коммуникативных возможностей: время не ограничено, но обычно занимает 20-30 сек.); речь монологична (диалог возникает только при наличии ответного сообщения) и лишена визуализации (не определяются ситуация общения, реакция адресата). С другой стороны, наблюдается расширение коммуникативных возможностей для участников общения: ГС сохраняются во внутренней памяти технического устройства, а значит, их можно воспроизводить и даже переводить в текстовый формат.

Если РР в НО используется постоянно, то к ГС прибегают лишь по необходимости, нередко предпочитая другие возможности опосредованного общения. Причинами игнорирования ГС может быть монологичность речи (в НО привычен диалог) и неудобства при прослушивании (есть зависимость от ситуации).

Несмотря на выявленные различия, общие свойства РР и речи в ГС позволяют рассматривать неофициальные ГС реальных партнёров как электронную разновидность РР.

Л. В. Балашова (Саратов)

Саратовский университет

РАЗГОВОРНЫЕ МЕТАФОРЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ XXI В.

1. В докладе анализируются метафорические номинации человека, ядро значений которых составляет обобщенный позитивный / негативный аксиологический компонент: (1) «Похвала, одобрение, ласка» (*ягодка, браток*); (2) «Осуждение, неодобрение, неприятие» (*гадина, зараза*). Согласно лексикографическим данным, эта лексико-семантическая группа включает 210 субстантивов, из которых 110 единиц позиционируется как разговорные и просторечные метафоры.

2. Эмоционально-экспрессивный характер переносных значений обуславливает преобладание в данной подсистеме полных живых метафор. Вместе с тем не менее четверти метафор могут быть квалифицированы (в терминологии В. Г. Гака) как односторонние и частичные (*чертяка, золотце*). Специфической особенностью подсистемы является регулярное формирование общеоценочных значений на базе десемантизации аксиологических метафор с конкретизированным типом оценки (*паразит* 'тунеядец' → 'употребляется как бранное слово').

3. Принципы метафоризации в лексико-семантической группе (источники, модули сравнения) отмечены достаточно высокой степенью регулярности, но полноценных концептуальных моделей данные переносы не формируют.

4. Анализ функционирования исследуемых метафор в XXI в. (данные НКРЯ и авторский материал) показывает, что их абсолютное большинство активно используется в речи, преимущественно в обиходной, в неофициальной обстановке. Среди специфических особенностей их использования можно выделить тенденцию к расширению сферы употребления сниженных разговорных, жаргонизированных и просторечных метафор, а также к ситуативной амбивалентности оценки у метафор, которые в языке дают однозначную позитивную или негативную оценку человеку. Более последовательно наблюдается полная или частичная смена негативной оценки на позитивную – обычно в

шутливо-иронических контекстах (*сатана, черт, чертовка*), но возможна и обратная динамика – обычно с оттенком пренебрежения (*цыпочка, киска*).

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва)
ИРЯ РАН

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ)

Фразеологизмы-конструкции – это синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых не заполнены некоторые синтаксические позиции (валентности – обычные и пропозициональные). Они характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому. К ним относятся такие формы как *X он и в Африке X, тоже мне X, где уж нам P, вот тебе и P* и под. По своим особенностям фразеологизмы-конструкции преимущественно относятся к разговорному языку.

В докладе рассматриваются особенности фразеологизмов-конструкций в дискурсе. Чаще всего фразеологизмы-конструкции возникают из сочетания служебных слов, которые изначально имеют прямое значение. В момент, когда они переосмысляются и возникают новые возможности употребления, частота их использования носителями языка резко возрастает. Вновь возникшая дискурсивная практика через некоторое время стабилизируется в частоте употребления и становится частью лексического состава русского языка – в том числе и в XXI веке. Именно так себя ведут такие фразеологизмы-конструкции как *тоже мне X, надо же P, X он и в Африке X*.

Такая стратегия вхождения в дискурс новых дискурсивных практик распространяется не только на фразеологизмы-конструкции, но и на самые различные единицы языка.

Е. Г. Басалаева (Новосибирск),

Новосибирский государственный педагогический университет

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Цель настоящего доклада – на материале текстов, извлеченных из парфюмерных интернет-форумов, рассмотреть семантико-стилистические особенности лексики, привлекаемой коммуникантами к описанию запаха и вербализации его субъективной оценки, тем самым выявить специфику вербализации одорических впечатлений в письменных высказываниях, максимально приближенных к разговорной речи.

В настоящее время наиболее интенсивное развитие ольфакторной составляющей языка можно наблюдать в специальном, активно развивающемся парфюмерном дискурсе, в рамках которого говорящие находятся в постоянном поиске вербальных средств, способствующих наиболее точной или модной, востребованной передаче запаховых ощущений. Специфика современной коммуникации относительно парфюмерной продукции состоит прежде всего в том, что парфюмерный дискурс оказывается довольно часто опосредован средствами массовой информации, к числу которых относится и сфера интернет-общения. Пользователи интернет-форумов, посвященных обсуждению различной парфюмерной продукции, нередко делятся собственными или чужими переживаниями относительно восприятия того или иного запаха, используют достаточно богатый спектр номинаций или квалификаторов запаха, нередко отдавая предпочтение разговорной, метафорически переосмысленной, стилистически и/или эмотивно нагруженной лексике (например, *запаховый передоз*, *пахнет бухгалтершами*, *старушками*, *деревяхой*, *надушиться клопомором* и под.). Таким образом, наблюдается активное сближение интернет-высказываний и бытовой речи, проявляющееся в использовании, звукоподражательных слов и междометий, эмоционально-оценочной и разговорно-бытовой лексики при описании запаха, а также в упрощенном синтаксисе. Можно говорить о существенных различиях в объеме и составе лексики обонятельного восприятия в разных типах дискурса.

Е. Н. Басовская (Москва)

Российский государственный гуманитарный университет

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ В МЕДИЙНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Доклад посвящен функционированию словосочетаний *разговорный стиль* и *разговорная речь* в медиатексте 1990-х – 2020-х гг. Ставится вопрос о соотношении терминологического и обыденного значений указанных словосочетаний. Журналистские тексты рассматриваются как отражение непрофессионального представления о феномене разговорности.

На материале публикаций издательского дома «Коммерсантъ» демонстрируется ожидаемое количественное преобладание (140/11 вхождений) конструкции *разговорная речь* как менее специфической и имеющей востребованное дополнительное значение, связанное с изучением иностранных языков.

В большей части примеров использование рассматриваемых словосочетаний следует признать корректным. Например, *разговорный стиль* с полным основанием

упоминается в текстах «Коммерсанта» в противопоставлении официальному языку и академической речи. Обозначение *разговорная речь* нередко сопровождается определением *живая*, что подчеркивает противопоставление негативно оцениваемому официозу.

Отмечены и не вполне точные, с точки зрения стилистики, конструкции, такие как *сниженно-разговорный стиль*. Кроме того, журналисты неоднократно допускают употребление словосочетания *разговорный стиль* применительно к невербальным явлениям (прежде всего – музыке). В данном случае надо говорить не об ошибке, а о некотором расширении значения термина.

Номинация *разговорная речь* также используется преимущественно не в строгом стилистическом значении. В текстах ряда публикаций оно выступает как синоним словосочетания *устная речь*.

В целом, несмотря на не вполне терминологическое использование конструкций, журналисты обоснованно актуализируют в них семы спонтанности и естественности.

Важную роль в процессе внедрения в сознание аудитории точного содержания понятий *разговорный стиль* и *разговорная речь* играют интервью и экспертные комментарии лингвистов, весьма немногочисленные в изученный период.

В докладе делается вывод о значимости грамотной журналистской речи для популяризации филологических и других научных знаний.

Е. Л. Березович (Екатеринбург)

Уральский федеральный университет

НОНСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА: ЕСТЬ ЛИ РАЗРЕШАЮЩИЙ СМЫСЛ У ТЕРМИНА? (НА ПРИМЕРЕ НОНСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ КАМНЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Рассматривается многообразие русской лексики, обозначающей минералы, минералоиды, горные породы, которая находится вне рамок официальной научной номенклатуры. За этим разнородным лексическим пластом предлагается закрепить термин *нонстандартная лексика камня*; в узком смысле она включает в себя собственно названия минералов, в широком к ней можно отнести слова сопредельных тематических групп – называющие процессы и явления, связанные с бытованием минералов в природе и культуре, их добычей и обработкой etc. Автор выделяет социолингвистические пласты, составляющие *нонстандартную минералогическую лексику* в ее узком понимании:

диалектный; профессиональный и жаргонный; арготический; просторечный. Особое место занимают названия, возникшие в результате искусственной номинации (в частности, торговые).

Н. Г. Брагина (Москва)

РГГУ

ПРАГМАТИКА И КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА РЕЧЕВЫХ КЛИШЕ В СЛОВАРЕ

В докладе будут обсуждаться принципы построения комментария в словаре речевых клише, а именно: соотношение прагматической и социокультурной информации. Рассматриваются причины, по которым прагматическая информация может дополняться социокультурной. Показывается, что пропорционально количеству прагматической и социокультурной информации может различаться при интерпретации речевых клише, и это зависит от нескольких факторов.

Одним из определяющих факторов является тип речевого клише. Например, если в качестве речевого клише описывается пословица, употребляемая как ответная реплика, то социокультурная информация с высокой степенью вероятности будет доминировать над собственно прагматической. Так, используемая в ответе пословица *На бога надейся, а сам не плошай*, – в светском и религиозном типах дискурса может иметь разную интерпретацию.

Если ответная реплика относится к речениям, например: *(И / Даже) не надейся; Не надейся (даже)*, – то прагматическая информация, вероятнее всего, будет преобладать в описании.

Сам факт включения в словарное описание речевых клише как прагматической, так и социокультурной информации представляется нетривиальной задачей. В качестве иллюстраций в докладе будут приведены фрагменты лингвопрагматического и социокультурного комментария.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва)

ИРЯ РАН

МЕСТНЫЙ ЯЗЫК КАК ЗНАК САМОБЫТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ

В этом смысле никакого «русского русского» нет, а есть
костромской русский, тверской, питерский, пермский. . .

1. Мы процитировали популярную точку зрения на функционирование современной русской разговорной речи, в таком подходе отразилась яркая тенденция рефлексировать по поводу своего языка, сравнивать его с языком соседних регионов и столицы, с языком центральных СМИ. Если раньше в языковой политике превалировала жесткая стандартизация и отрицательное отношение к любым проявлениям отхода от нормы, будь то диалектизмы, сленг, язык субкультур, то в последние десятилетия в связи с изменениями в обществе и появлением интернета стало очевидным стремление людей подчеркнуть свою самобытность, непохожесть на других в обычаях, кухне, но прежде всего в языке. Это проявилось в создании местных сайтов, где обсуждаются материалы по истории и этнографии края, диалектные и региональные слова, кроме того, публикуется большое количество любительских словарей.

2. Лингвистика, как известно, всегда занималась изучением различных пластов языка (диалекты, социолекты, просторечие, язык города), но именно в настоящее время особенно актуальным стало регионоведение, т.е. комплексное описание специфики того или иного региона, и важнейшее место в нем уделяется языку. Лингвистами ведется исследование региолектов (новых трансформированных диалектов), дискуссионным остается вопрос о допустимости региональных норм, составляются словари локализмов и регионализмов [Ерофеева 2020; Вепрева и др. 2012; Беликов 2013, Букринская, Кармакова 2020 и т.д.].

3. В связи с накоплением разнообразного материала, связанного с особенностями региональной разговорной речи, возникает целый ряд проблем, которые пока не имеют однозначного решения и требуют осмысления, а именно: 1. различение регионализмов и диалектизмов, 2. соотношение регионального и общерусского просторечия, 3. разграничение функционально-стилистического просторечия и экспрессивно-разговорной лексики. Эти вопросы и будут рассмотрены в докладе.

Литература

Беликов В. И. Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. – Улан-Удэ: 2013. – С. 7–9.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности русской речи // Русская речь, № 4, 2020 г.

Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60-90-ые годы XX в. Пермь, 2020. 239 с.

Вепрева И. Т., Купина Н. А., Михайлова О. А. К проблеме региональных вариантов кодифицированных норм // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012. С. 331–336.

Пермско-английский разговорник с переводом на русский язык. Пермь, 2015. 112 с.

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск)

НГПУ

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗГОВОРНОЙ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Исследование динамических процессов в сфере разговорной эмотивно-оценочной лексики представляет собой корпусное (основной и устный подкорпус) и психолингвистическое описание прагматически маркированных единиц.

Материалом настоящего исследования является лексическая группа «Безвольный, бесхарактерный человек», в которой большинство единиц представляют собой ассоциативные метафоры: *тряпка, тюфяк, кисель, размазня, рохля, шляпа, баба, мямля, девчонка, слизняк, медуза* и др.

Дефиниционный анализ лексикографических источников разных поколений показывает, что эмотивно-оценочный словарь вполне устойчив. Ср.: ШЛЯПА. 3. перен. Вялый, неэнергичный человек, растяпа (разг. фам. пренебр.; первонач. невоенный, штатский) (ТСУ); 2. перен. О вялом, без инициативы человеке, растяпе (прост. пренебр.) (ТСО); 2. О вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке (МАС); 2. перен., м. и ж. О вялом, безынициативном человеке, растяпе (разг. презр.) (РСС).

Однако использование корпусных и экспериментальных методов в изучении разговорных метафор позволяет выявить и описать динамические процессы в разных лексических парадигмах, а учет основных параметров коммуникативной ситуации способствует моделированию русской эмоционально-оценочной картины мира.

В анализируемом фрагменте словаря в последнее десятилетие происходят существенные изменения: ряд лексем перемещается на периферию. По данным психолингвистического эксперимента, молодые респонденты не знают слов *кисель, размазня, тюфяк, тюря* и их метафорических значений, но пополняют эту группу

разговорными характеристиками лица типа *терпила, амeba, медуза, одноклеточный, тихушник* и др.

Полученные экспериментальные данные подтверждаются и корпусными исследованиями: 1) происходит изменение состава лексической группировки; 2) динамические процессы касаются и значений указанных метафор (например, в разговорной речи трансформируется гендерная и связанная с ней оценочная семантика, а также и стилистическая характеристика лексем).

Подобное исследование позволяет выявить и проанализировать динамические процессы в отдельных лексических парадигмах; наметить продуктивные метафорические модели разговорных единиц; обосновать появление новых значений в семантической структуре слова; подготовить языковой материал для дальнейшего лексикографирования в словарях активного типа.

С. А. Бурлак (Москва)

ИВ РАН; МГУ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СУФФИКСА: МОРФОНОЛОГИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В разговорной речи эволюционные процессы происходят очень быстро, поэтому их удобно наблюдать. В самом конце 1990-х в русской разговорной речи появился суффикс *-(p)аст* со значением 'отвратительный приверженец того, что обозначено основой', обладавший с самого начала целым рядом нетривиальных морфонологических особенностей: он всегда несёт на себе ударение, присоединяется к двусложным (или могущим быть усечёнными до двух слогов) основам, которые оканчиваются на одиночное *-р-* и либо всегда являются безударными, либо могут терять ударение. За прошедшие 20 лет количество слов с данным суффиксом сильно увеличилось, выросла их частотность (например, слово *либераст* в 14-миллиардном корпусе *Araneum Russicum Maximum* встречается более 2,5 тыс. раз), кроме того, периодически появляются отклонения от исходной модели – встречаются образования от основ, не сдвигающих ударение (ср. *бандераст*), от недвусложных основ (ср. *едраст, помидораст*), от основ на кластер с *-р-* (ср. *демокраст*), от основ, не содержащих *-р-* (ср. *победаст*), добавления *-р-*, чтобы основа стала двусложной (ср. *водораст*), замена последнего согласного основы на *-р-* (ср. *патераст* от *патент*). При этом можно видеть, что, во-первых, изменения идут пошагово: выход за пределы модели возможен не более, чем по одному признаку за один раз (исключения, где нарушены два условия, единичны, исключений, нарушающих более двух условий, нет вообще), во-вторых, даже у недавно возникшего суффикса и даже при отсутствии кодификации морфонологические ограничения остаются достаточно

прочными – слова, образованные по любой из модифицированных моделей, фактически остаются окказионализмами (если встречаются более одного раза – то у того же самого автора или в обсуждении на одном и том же форуме; общее число вхождений не превышает 10), тогда как слова, образованные по основной модели, набирают большое количество употреблений.

Владислава Вардиц (Потсдам)

Потсдамский университет/ Кёльнский университет

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ЯЗЫКА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Ввиду отсутствия административного статуса русский язык в диаспоре бытует преимущественно в устной форме в сферах неофициального общения. В качестве официального языка представители диаспоры используют язык страны пребывания. В результате подобного функционально неравноправного двуязычия обиходный русский язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код. Помимо внешней интерференции из доминирующего языка (лексика, фонетика/ фонология и просодия, морфология, синтаксис, семантика, прагматика), этот код отмечен и интерференцией внутренней, т.е. смешением (или неразличением) социально- и функционально обусловленных регистров русского языка. В ситуации вынужденного двуязычия подобный интерферированный код постепенно становится главным коммуникативным кодом в русском общении диаспоры, соединяя в себе функционально-стилистические средства и – шире – регистры контактирующих языков. Подобная перестройка системы речевых кодов особенно характерна для второго и последующих поколений диаспоры.

В этой связи открытым остаётся вопрос как о социолингвистическом статусе русского языка диаспоры, так и о его функционально-стилистическом варьировании в условиях многоязычия, в том числе и о самой возможности выделения в нём социально и функционально обусловленных стратов / регистров, в частности, в сопоставлении с социолингвистической моделью языка метрополии.

В фокусе внимания доклада - проблема выявления параметров языкового варьирования, позволяющих охарактеризовать социолингвистический статус повседневной речи эмигрантов в отношении языкового континуума как диаспоры, так и метрополии.

НОВЫЕ СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ РР: ЭРГОНИМЫ-РЕПЛИКИ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Одним из проявлений актуальных языковых тенденций XXI века является расширение сфер употребления РР, а именно реализация свойств разговорности в области городской ономастики. Цель доклада – дать характеристику новой продуктивной группе городских эргонимов – эргонимам-репликам, определить их специфику, напрямую связанную с особенностями разговорной речи.

Эргонимы-реплики – номинации, передающие высказывания одного речевого партнера от начала и до высказывания другого партнера, которые могут оцениваться как приглашение к диалогу или его продолжение. Особенностью этих лексикализованных синтаксических единиц является их несамостоятельность вне диалога (поскольку единицей диалоговой речи является вопросно-ответное единство). Употребление синтаксических конструкций в составе номинации создает эффект живого общения. Названия начинают выглядеть как диалог со всеми присущими ему конструктивными особенностями разговорной речи.

В докладе будет представлена типология эргонимов-реплик по разным основаниям.

1) В пределах вопросно-ответного диалогического единства выделяются реплики-стимулы, функцией которых является запрос информации, и реплики-реакции – выполнение ответа. Отсюда – деление эргонимов-реплик на инициальные (ресто-бар *Мяса мне*; кофейня *Кофе хочешь?*, шашлычная *Шашлык будешь?*, кафе *Давай зайдём*) и реактивные (кофейня *Кофе пью и читаю*; кондитерская *Нет, не слипнется!*; кафе-кондитерская *Не торты, а тОрты*).

2) Выделение информативных эргонимов (содержат информацию, связанную с ситуацией принятия пищи: кафе *Сема, ешь. Мама наготовила*, бургерная *Мама, я поел*) и неинформативных (номинации, связанные с семантикой места адресанта/адресата в городском пространстве: бургерная *А ты где?*, ресторан *А где я?*; номинации, подчеркивающие достоинства домашней кухни: ресторан *Мама дома*, ресторан *Я дома*; общеоценочные номинации: ресторан *Клёво*, кафе *Всё пучком!*).

3) Классификация эргонимов по типу адресанта/адресата: реплики работника заведения (ресторан *Жарим мясо*, кафе *Готовим в тандыре*, ресто-бар *Заходи, генацвале!*) – реплики посетителя (кафе *А где мой кофе?*; *Буду еще*; *Мама, я на паре*).

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИМЁН, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ЗНАЧЕНИИ «МНОЖЕСТВО, БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО»

1. Имена, выражающие идею множества, большого количества кого- чего-л., активно используются в разговорной речи как в составе генитивной конструкции (куча новостей, море улыбок, пропасть грибов и т.п.), так и в предикативной позиции (грибов в лесу – тьма, улыбок вокруг – море, новостей – бездна, яблок уродилось – пропасть, комаров вокруг – гибель и т.д.). Подобные слова включаются в современные толковые словари, в том числе и в Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРР). О составе и количестве этой группы лексики у исследователей нет единого мнения. В ряде работ рассматривается до ста и больше таких слов (ср. Перетятко 1972, Левонтина 1997, Рахилина, Ли Су-Хён 2009, Нигматзянова 2017 и др.). В связи с этим для каждого толкового словаря принципиально важным является вопрос о выборе, отборе таких имён и системе их подачи в словарной статье. Так, например, в Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов (под ред. Н.Ю.Шведовой) слова со значением «большое количество» могут выступать как заголовочные (БЕЗДНА² (*разг.*) огромное количество...; ГИБЕЛЬ² (*разг.*) несметное множество) или как одно из вторичных значений с пометой *перен.* (ГОРА. 2. *перен.* ...нагромождение куча множество...; МОРЕ. 2. *перен.* ...большое количество...; ТУЧА. 2. *перен.* ... множество...). В Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи с этой семантикой представлен только ограниченный круг сниженной лексики, обычно с пометами *разг.* и *разг.-сниж.* (жуть, кошмар, ужас...). Для ТСРР отбор имён, передающих идею множества кого- чего-л., определяется прежде всего их употребительностью в РР, поэтому, как правило, они получают право самостоятельного заголовочного слова.

2. Второй проблемой, требующей особого внимания лексикографа, являются словарные толкования. Следует ли, из того, что такие образования имеют общую семантику, сводить толкования к единообразному типовому варианту?! Большой толковый словарь даёт примеры именно такого понимания: в его толкованиях обычно используется типовое определение «множество, большое количество». В ТСРР, как и в ТСРЯ, нет единой формулы толкования в связи с тем, что учитываются дополнительные оттенки значений, семантические и синтаксические особенности каждого слова, ср.: «ГОРА. DEF: нагромождение чего-л.; множество»; «КАСКАД. DEF: обилие кого- чего-л.»; «КУЧА. DEF: очень много»; «МОРЕ. DEF: чрезвычайно много кого- чего-л.»; «ПРОПАСТЬ¹. DEF: множество, большое количество кого- чего-л.»; «ТУЧА. DEF: о большом количестве кого- чего-л.». Объединённые общим значением, эти имена сохраняют и свою индивидуальную семантику, что особенно ярко проявляется в различающихся рядах синонимов, антонимов, аналогов.

3. Структура ТСРР предполагает включение в словарную статью синонимов, антонимов, аналогов, что существенно расширяет информацию о слове. Однако, возникает вопрос о критериях их отбора. Насколько однотипны должны быть ряды при разных словах, выражающих общее значение? Но не всегда ясны семантические основания, определяющие включение или не включение того или иного слова в круг синонимов. Ср. напр.: «МОРЕ. SIN: вагон, воз, гора, куча, масса, навалом, пропасть, прорва, туча, тьма, уйма»; «ТЬМА. SIN: армия, бездна, вагон, воз, воз и маленькая тележка, гибель, куча, навалом, пропасть¹, прорва, табун, телега² (в 2 знач.), туча, тьма-тьмущая², тысяча, тыща, уйма...». Аналогичные замечания возникают и к приводимым в словаре рядам антонимов и аналогов. Как удачный пример можно отметить исследование (Левонтина 1997) группы синонимов, объединённых значением «большое количество»

(куча, гора, груда, кипа, ворох), где даётся убедительный анализ семантики этих слов и основания для их синонимических сближений.

В целом лексикографическое представление имён, выражающих идею «множество кого-чего-л.», даёт богатый материал для их дальнейшего изучения.

Литература

Левонтина И. Б. (раздел) // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997;

Нигматзянова Ю. Л. Имена существительные со вторичным метафорическим значением количества в русском и английском языках М., 2017;

Перетягко Т. П. Лексические средства обозначения неопределённо большого количества. Алма-Ата, 1972;

Рахилина Е. В., Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // ВЯ, 2009, №4.

Использованные лексикографические источники

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб, 2000 (БТС);

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим рук. акад. Ю.Д.Апресьяна М., 1997;

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой, М., 2007 (ТСРЯ);

Толковый словарь русской разговорной речи (Вып. 1–5)/ Под ред. Л.П.Крысина, М., 2014–2023 (ТСРР);

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. М., 2004.

Т. М. Григорьева (Красноярск)
Сибирский федеральный университет

ФЕНОМЕН РАЗГОВОРНОСТИ В ПРОПОВЕДЯХ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ ТКАЧЕВА

Проповедь не является канонической частью церковной службы, однако имеет определенную специфику, поскольку произносится в рамках Богослужения.

Проповеди клирика Московской областной епархии протоиерея Андрея Ткачева в целом соответствуют требованиям религиозно-проповеднического стиля. Стандартные приветствия «Христос воскрес!», «Возлюбленные в Господе, здравствуйте!», «Дорогие братья и сестры», «Мир вам!» и в завершение проповеди «Аминь и Богу слава!», «Господу слава и держава!», «Ищите прежде Царства Божия», «Христу воскресшему слава!», «Христос да хранит всю Вселенную!», «Христос да укрепит державу нашу!». Однако в основную часть проповеди изобильно внедряются явления разговорно-бытового характера: *значит, как бы, понимаете, валять дурака, гнать пургу, прикольное имя, елки-палки, стыдоба сплошная, всякая дребедень, вести себя, как девочка на балу.*

В проповеди «Мы должны привести людей к Богу» создается образ доброго пастыря Иоанна Кронштадтского, который «Бога за ноги хватал» и в годы своего

священства «служил, как помешанный»; не руководствуясь принципом «отслужил, рубль в карман положил и пошел чай пить».

Кронштадт – это кабаки, пьяные матросы, бабы пьяные, алкаши: вечером в город не выходи – подрежут... Иоанн Кронштадтский входил в подвалы нищих и отдавал всё, чем располагал сам, и «и все считали, что он чокнутый». Церковные власти призывали его не ходить босиком, вести себя в рамках пристойности («Ну-ка, нормально себя веди!»), а он «как помешанный, отвечал: «Да пошли вы!».

Задача священства, по мнению проповедника Андрея Ткачева, привести людей к Богу, и образ святого праведного Иоанна Кронштадтского может разбудить духовенство для высокого служения: «Не просто паки-паки гоните трояки; молебен отпели, пива попили, пошли, значит, футбол смотреть». Виртуальное явление Иоанна в дом современного священника весьма желательно: тряхнул бы за плечи и сказал: «Хватит валять дурака. Перестаньте валять дурака! ... Не придуривайтесь! .. Эй ты, чучело, ты долго будешь дурака валять. Тебе уже пора чудеса творить».

В проповеди «Отречение и призвание» описывается эпизод из книги монаха Силуана Афонского: «был некий мужик...который когда-то по пьяной лавочке...двинул кому-то и убил... вернулся с каторги, играл на вечеринках на гармошке, девки с парнями плясали». Благодаря каждодневной усердной молитве убийца прощен.

Здесь же – о троекратном отречении Петра: «Петр всегда плакал, когда кричал петух. И когда он слышал, то думал: “Ой, елки-палки. Это моё”».

Через простое слово вселяется мысль о необходимости преданно служить делу, о чистосердечном покаянии, которое возвращает достоинство.

С точки зрения лингвистики, активное внедрение в высокий стиль разговорных элементов свидетельствует о разрушении жестких его границ.

Е. С. Громенко (Санкт-Петербург)

Институт лингвистических исследований РАН

QR-КОД: ОТ ТЕРМИНА К СЛОВУ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Технология QR Code была разработана в 1994 году Denso Wave – японской дочерней компанией Toyota для отслеживания производства деталей автомобилей, однако использование QR-кодов расширилось, и теперь они используются для самых разных целей.

Номинация QR Code функционирует в национальных ((JEIDA-55 (1998 г.), JIS X 0510 (1999 г.), JIS X 0510 (2004 г.), ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015 (2015 г.) и пр.) и международных (ISS – QR Code (1997 г.), ISO/IEC18004 (2000 г.)) стандартах, следовательно имеет конвенциональный характер, основная сфера ее функционирования – специализированный дискурс, также понятие QR Code дефинируется в научной и справочной литературе. Таким образом, неологизм QR-код – это термин, который, как указывают на то данные группы Словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН, впервые употребляется в русскоязычных медиа в 1999 г.

Можно выделить последовательные этапы освоения термина *QR-код* русскоязычной неспециализированной средой:

- 1) графическая адаптация слова (*куар/кьюар/кюар-код*);
- 2) появление в письменных источниках грамматически адаптированных разговорных вариантов (*куар, кьюар, кюар*), полученных путем сокращения второй части термина в кириллическом написании (*куар/кьюар/кюар-көд*);

3) актуализация значения и активизация употребления термина и его разговорных вариантов во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Ср.: *QR-код* – до 2019 г. 97.739 употреблений, после 2020 г. – 2.245.893, *кьюар-код* – до 2019 г. – 2016, после 2020 г. – 3121, *куар-код* – до 2019 г. – 568, после 2020 г. – 18.039, *кюар-код* – до 2019 г. – 167, после 2020 г. – 1800;

4) деривационная активность слов *куар/кьюар/кюар-код*, разговорных вариантов *куар/кьюар/кюар*, вовлечение этих слов в процессы языковой игры.

Проведенный анализ позволяет заключить, что стоящие за словами *куар/кьюар/кюар-код/куар/кьюар/кюар* понятие на современном этапе развития общества стало неотъемлемой частью картины мира человека, а соответствующие слова – словами его речи.

В. В. Дементьев (Саратов)
Саратовский университет

НОВЫЕ ЖАНРЫ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ И НЕЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ И ИХ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И НЕМЕТАФОРИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ

Изменившиеся условия жизни всегда порождают новые жанры речи, прежде всего в сферах непосредственного устного общения. Начало XXI века обогатило русскую коммуникацию рядом жанров нескольких типов, соответственно русский язык (в первую очередь нелитературные его страты) – словами, которые, с одной стороны, являются

именами жанров разговорной и нелитературной речи, с другой – сами используются в разговорной и нелитературной речи, будучи разговорными или сленговыми.

1. Проанализировав группу новых метафор, представляющих собой в словообразовательном отношении производные отглагольные субстантивы с нулевой суффиксацией, обнаруживаем, что они именуют много коммуникативных и жанроподобных явлений (*вброс, наезд, предьява, развод, расплёв*), при этом наблюдается явное тяготение к конфликтным РЖ.

2. Проанализировав группу новейших заимствований последних лет с помощью эксперимента с современными российскими студентами, также обнаруживаем много имен коммуникативных и жанроподобных феноменов (где ожидаемо велика доля феноменов интернет-коммуникации) (*блог, бредкрамблинг, гоустинг, игнор, спид-дейтинг, статусинг, чат* и т. п.). При этом обращалось внимание не только на степень узнаваемости и частотность конкретной заимствованной лексемы, но и на заполнение звеньев «цепочек речеганровой системности»: имя жанра речи (существительное) ~ имя акта речи или процесса (глагол) ~ название роли / типажа ~ тональность коммуникации и т. п. (*троллинг ~ (по-, за-)троллить ~ тролль*).

Анализ данного материала подтвердил, что, как все жанры разговорной и нелитературной речи, а также метафоры в целом и сленгизмы в целом, рассматриваемые единицы ярко отражают современные социальные тенденции. При этом они, как многие неологизмы и образные слова и выражения, еще не обрели вполне четкой дифференциации значений.

Все эти единицы появились в последние несколько лет, первоначально как сленговые/жаргонные. При этом большая частотность некоторых из них в НКРЯ (художественном подкорпусе) позволяет говорить о совершающемся или уже совершившемся переходе в разговорные, хотя словари РР пока не фиксируют данного перехода.

Дымарский М. Я., Копосова М. Р. (Санкт-Петербург)

К ИНТОНАЦИОННОМУ ОФОРМЛЕНИЮ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НЕРАСЧЛЕНЕННЫХ» ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Высказывания типа *Наступила весна* часто называют нерасчлененными, имея в виду невозможность выделить в них тему. Альтернативная точка зрения состоит в том, что в таких высказываниях усматривается нулевая тема с хронотопическим значением. В докладе одного из соавторов на XII Шмелевских чтениях отмечалось, что высказывания

типа *Цветет черемуха* в плане настоящего содержат нулевую тему со значением прямого первичного дейксиса к окружающей говорящего в момент речи среде. Это значение характеризуется точно той же степенью определенности, что и сама фигура говорящего, поэтому вербализовать этот дейксис коммуникативно избыточно. В других временных планах (с вторичным дейксисом) соответствующее значение, как правило, уже выражено в левом контексте. Такая интерпретация опирается на постулат, согласно которому дублирование хронотопических значений в тексте возможно только в экспрессивно-стилистических целях, в общем же случае такое значение выражается единожды и распространяется на весь правый контекст вплоть до появления нового хронотопического маркера с новым значением. В том же докладе было высказано предварительное наблюдение, согласно которому исходно неакцентированный глагольный компонент ремы в таких высказываниях приобретает способность окрашиваться ослабленным тематическим акцентом, превращаясь в ситуативный эквивалент темы, компенсирующий отсутствие лексически выраженной темы. В настоящем докладе будут изложены результаты эмпирического исследования, в целом подтверждающие высказанную ранее гипотезу.

А. Н. Еремин (Калуга)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

СЕМАНТИКА И ТИПЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЦУ

«Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина, вышедший в 5 томах, показал разнообразие прагматической семантики, некоторые ее закономерности и отразил их в специальной зоне словарной статьи, которая называется PRAGM.

Прагматические значения есть у слов литературных и внелитературных; они связаны как с прямым, так и с переносным значениями, отражают разного рода стереотипы.

– И что, бегать по *больницам*? – слово *больница* с несколько размытой семантикой замещает слово *поликлиника*.

Слово *тёща* литературное, но:

PRAGM: ‘В сознании многих носителей русского языка *тёща* – причина многих бед зятя; причина многих разводов. *Тёща* – это злобное семейное существо, персонаж многих анекдотов и крылатых выражений’.

Модели прагматической информации, связанной с субъектом.

1. Идеологически детерминированная прагматика: *богатый, работяга*.

БОГАТЫЙ. 1. Обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный.
Б. фермер.

НКРЯ на запрос: «богатый председатель колхоза» – дает ответ: «По вашему запросу ничего не найдено».

PRAGM: В советский период могли быть богатые предприятия, но не богатые члены коллективов и их руководители.

2. Гендерно-возрастная прагматика.

а) **ребенок или подросток** (в норме гендерно не дифференцированные номинации): *юла, бояка, вообразала*

б) **указание на пол, профессию** (часто и на возраст):

1) **о взрослом лице мужского пола**: *генералиссимус, кряж, сталевар,*

ПИЛА 2. Перен. О человеке, который постоянно пилит (во 2 знач.) кого-н. (разг. неодобр.).

Добавить: **PRAGM**: обычно о родственнике, чаще о жене. [Апресян, Гловинская 1997].

3. Релятивная прагматика в лексике говорящего.

У ряда слов в семантике присутствует детерминант: **PRAGM**: ‘молодой человек о более старом’ или ‘старый человек о более молодом’: *молокосос, сопляк, старпёр, бабка.*

Временное расстояние между говорящим и *сопляком* может быть в непрототипических случаях незначительной:

– Ты еще сопляк, мальчик (Александр Росляков. Первая любовь)

[Ему восемнадцать – ей чуть за двадцать].

4. Прагматика социального, родственного, интеллектуального и др. неравенства лиц [см. об этом: Крысин 1990; 2008]:

а) прагматика более высокого статуса: *бранить, поучать, благоволить;*

б) прагматика более низкого статуса: *перечить, протестовать, вылитый, копия мать.*

В норме лицо более низкого статуса похоже на лицо более высокого статуса (синкретизм прагматики и грамматики): – Потому что он на Берию *похож!* [см.: Ермакова 2021 а]

5. Прагматика неприятия говорящим языковой нормы: *мамка, цвет...*

6. Прагматика ситуативной субъективной интерпретации события:

На похоронах: – Он еще ведь совсем *молодой* был. Только 65.

РАЗГОВОРНАЯ, ПРОСТОРЕЧНАЯ И РЕГИОЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В докладе будут представлены результаты проекта по изучению социального варьирования региолекта в городах Пермского края (РФФИ, проект № 19-412-590001 р/а). Предметом анализа в данном случае стало использование разговорной, просторечной и региолектной лексики в речи жителей города Соликамска Пермского края (92,6 тыс. чел. на 2020 г.).

Материалом исследования стали полуструктурированные интервью, полученные от жителей города (24 чел.); выборка информантов была сбалансирована по факторам «пол», «возраст», «образование», «специальность». Общий объем материала – 7 ч. 35,5 мин. звучащей речи.

В текстах интервью выделялась разговорная, просторечная и региолектная лексика. Далее проводился анализ употребления лексики информантами в зависимости от социальных параметров.

Разговорная лексика употреблялась информантами в 2–3 раза чаще, чем региолектная и просторечная, при этом и разговорные лексемы, и просторечия, и регионализмы чаще используют информанты со средним образованием, негуманитарии и информанты младшей возрастной группы.

Статистический анализ полученных данных показал, что существенность влияния рассмотренных социальных факторов доказывается только в 4 случаях: фактор «специальность» существенно влияет на употребление просторечной и разговорной лексики, фактор «возраст» – на употребление просторечной лексики, фактор «образование» – на употребление разговорной лексики.

В докладе будет рассмотрено также сочетание данных лексических единиц в отдельных идиолектах.

Итак, на лексическом уровне только в трети рассматриваемых случаев проявляется существенная разница в речи разных социальных групп города. Социальное единство группы достигается нивелированием действия социальных факторов внутри фактора «место проживания».

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК РЕСУРС КОММЕРЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ

Речевое пространство российского города является актуальным объектом лингвистических наблюдений в силу того, что в текстах объявлений, вывесках, номинациях коммерческих объектов прослеживаются многие тенденции, актуальные для функционирования современного русского языка.

Изменения социального и коммуникативного статуса разговорной речи обнаруживаются в современных практиках коммерческого нейминга, ориентированных на разговорную стилистику и прагматику, а также на культуру повседневного общения. Необходимость максимально приблизиться к когнитивной базе и языковому коду своей целевой аудитории стимулирует экспансию разговорной речи в сфере городских номинаций, которая проявляется не только на отдельных языковых уровнях – в лексике, морфологии, грамматике. Признаки «разговорности» обнаруживаются в когнитивных, коммуникативных, дискурсивных характеристиках неймов.

К когнитивным особенностям современной стратегии номинации коммерческих объектов относится фреймирование ситуации потребления товара/услуги: название должно актуализировать повседневную ситуацию, типичную для покупки, и стереотипные речевые корреляты данной ситуации: бар «По пивку!», магазин алкоголя «Не за рулем», бар «Слегка не замужем», пивной бар «В доску». В номинациях возможно формирование оппозиций, основанных на противопоставлении фреймов ситуации: «Мама на даче» vs. «Мама дома» (кафе, столовая).

Диалогичность как один из основных признаков разговорной речи находит отражение в номинациях, имитирующих реплики диалога (стимулы и реакции), типичные для актуализированного фрейма: «Дорогая, я перезвоню» (бар), «Держи, деточка» (паб), «Любимая, тебе брать?» (шаверма и цветы) и т.п.

Дискурсивные признаки разговорной речи в коммерческих номинациях проявляются в активном использовании разного рода прецедентных текстов из сферы массовой культуры (бар «Ой, всё», кафе «О, блин!», магазин обуви «Чей туфля?», пивной бар «Где был?» и др.).

Маркеры разговорной стилистики коммерческого нейминга обнаруживаются на всех уровнях языка: в лексике (ресторан «Жадина-говядина», бар «ЁПРСТ»),

словообразовательных моделях (в первую очередь – диминутивах типа «Ресторанчик»), фонетических имитациях чужой устной речи «Захади, дарагой!», «Раша беляша»).

Е. В. Какорина (Москва)

ИРЯ РАН

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНДЕНСАТЫ КАК ОСОБЫЕ ТИПЫ НОМИНАЦИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(стилистический статус, тематические группы, проблемы словарного описания)

...особенности семантической деривации вообще в наибольшей степени отличают функциональные разновидности языка друг от друга, так же как применяемые в них способы деривации (Д. Н. Шмелев).

Универбация, усечение и др. типы семантического стяжения (конденсации) рассматриваются в качестве специфически разговорных способов номинации [Капанадзе 1973, Земская 1981, 1996; Голанова 1982, и мн. др.].

Легкость и быстрота производства универбов в РР, а также соотнесенность с актуальными и частотными в то или иное время словосочетаниями определяют быструю смену их семантического наполнения.

На факт образования в разное время совпадающих по форме универбов с различным значением указывала, например [Винокур 1965: 36–37]. Ср.: *операционка*¹ (название помещения) и *операционка*² (комп. операционная система); *бесплатник*¹ (сторонник бесплатной приватизации), и *бесплатник*² (тот, кто получает от государства какие-либо бесплатные услуги (о пенсионерах, инвалидах и т.п.)).

При этом возникают проблемы определения стилистического статуса подобных слов и степени их узуальности, возникает вопрос о целесообразности отражения данных лексических единиц в современных толковых словарях, дискуссионным остается алгоритм их лексикографического описания.

Такие номинации достаточно свободно образуются в ответ на новое явление или актуализируются в РР в связи с изменением общественного веса, значимости какой-либо реалии; они входят в речевой обиход широкого круга носителей языка, нередко превращаясь в ключевые слова, своеобразные маркеры того или иного синхронного среза языка, ср. универбы конца XX – и начала XXI вв. – *гуманитарка* и *санкционка*.

Лексика, наследуемая из разных коммуникативных сфер, рисует своеобразный портрет современной эпохи:

корона, куар (кьюар), удалёнка, санкционка, минималка, цифра (цифровая среда) ...;
дотационка (регион), оффшорка, ювеналка ...;
ковидка, иммунка, побочка, биполярка ...;
личка, электронка, пиратка, безлимитка ...;
многоходовка/ многоходовочка, договорняк, коронка (коронный номер);
элитка (дом), панелька, спалка и спальник (о микрорайоне), вторичка, недострой,
капиталка (капремонт) ...;
просрочка, молочка, пальма (пальмовое масло) ...;
военник (военный билет), передок (послать на передок), беспилотник, армейка,
снайперка...

Происходит также постоянное переименование вещного мира, обновление «бытовой номенклатуры»: *стиралка, мусорка, настолка, фотка, кроссы* (кроссовки), *спортивки, тоналка* и мн. др.

Сегодня мы наблюдаем процесс значительной активизации словопроизводства семантических конденсатов различного типа в РР и в жаргонах, а также сопутствующую этому быструю нейтрализацию их сниженности и экспрессивности, снятие стилистических коннотаций. В этом своем новом качестве слова-конденсаты всё с большей легкостью и «более массово» включаются в круг общеупотребительной лексики, ср.: *микроволновка, цифровик, платка* (платная дорога), *выделенка*.

В докладе будут затронуты вопросы: узуального / окказионального статуса; активных тематических и функциональных сфер порождения; стилистической характеристики; лексикографического описания многозначных и омонимичных семантических конденсатов, которые входят в общеупотребительный речевой обиход.

Литература

Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи //

Развитие лексики современного русского языка / Под. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., Наука, 1965. С. 29–38.

Голанова Е. И. Производное слово как номинативная единица // Способы номинации в современном русском языке, М., 1982. С. 159–228.

Земская Е. А. Словообразование // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1981. 277 с.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.

Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 488 с.

М. Л. Каленчук (Москва)

ИРЯ РАН

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ФЕНОМЕН РАЗГОВОРНОГО УДАРЕНИЯ?

Как известно, появление фактов разговорной фонетики обусловлено ситуацией речи, в первую очередь, установкой на неофициальный, непубличный, непринужденный, бытовой характер общения. А можно ли говорить о разговорных ударениях? Признать наличие феномена разговорного ударения можно только тогда, когда в речи одного и того же человека в одних и тех же словах и словоформах место ударения меняется при изменении ситуации общения. Кодифицированный и разговорный акцентные варианты в этом случае оказываются парадигматически соотнесенными и распределяются в зависимости от внеязыковых условий.

Известно, что существуют ситуации, в которых говорящий перестает строго контролировать свою речь, в определенной степени «расслабляется». Так, образованный человек знает, что словари требуют произнесения *балова́ть, вклю́чишь, жа́люзи, ку́хонный, све́кла*, и он так и произносит, когда качество его речи важно для него и окружающих. Но в другие моменты он может позволить себе произнести *ба́ловать, вклю́чишь, жа́люзи, ку́хонный, све́кла́*. Носитель языка чувствует, что эти варианты не противоречат закономерностям системы и вот-вот станут нормативными, и допускает их в своей речи.

Складывается впечатление, что многие новые акцентологические явления «обкатываются» в разговорной речи до того, как приобрести статус полноценной нормы. Так, считается, что в форме ср. р. пр. вр. невозвратных глаголов *братъ, вратъ, гнать* и др. и их префиксальных производных ударение на основе является единственно правильным: *бра́ло, забра́ло, жи́ло, изжи́ло*. Наблюдения за живой речью образованных людей позволили неоднократно зафиксировать случаи, когда человек произносит *брало́, назвало́, поплыло́* в непринужденных ситуациях, но *бра́ло, назва́ло, поплы́ло* в ситуациях публичной речи. Представляется, что распределение подобных вариантов выглядит как реализация противопоставления *кодифицированный – разговорный*.

**«ХОЧУ УСЛЫШАТЬ РОДНОЙ ГОЛОС»: ГОЛОСОВОЕ СООБЩЕНИЕ КАК
РЕАЛИЗАЦИЯ ОСОБЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ
ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ**

Сегодняшний динамичный ритм жизни задает новые правила и тенденции в коммуникации с близкими людьми. Так появляются самые разнообразные формы интернет-коммуникации для общения на повседневной основе: СМС, чат, аудио- и видеозвонок в мессенджерах. Однако этот повседневный коммуникативный процесс часто наделен специфичными функциями, а не только лишь целью обменяться информацией или воздействовать.

Голосовое сообщение (далее – ГС) – относительно новая форма передачи информации в виде аудиозаписей, которые человек наговаривает и отправляет собеседнику. Эта форма общения быстро набрала популярность среди людей разного возраста для общения с близкими именно благодаря своей возможности наделять речь особыми функциями.

Результаты социологического опроса показали, что ключевыми мотивациями использования ГС можно считать технические преимущества (это быстро, нет временных границ для общения, записать и прослушать сообщение можно в удобное время) этой формы коммуникации, а также желание всецело высказаться и поддержать отношения с собеседником.

Жанровый репертуар ГС достаточно разнообразен, но реализуемые виды жанров являются исключительно фатическими или тяготеют к ним. Самые популярные жанры: объяснение, рассказ, разговор по душам, выражение сопереживания, просьба, извинение и благодарность.

Речеганровый анализ корпуса собранных ГС и анализ используемых речевых стратегий и тактик показал, что главные коммуникативные цели общения посредством ГС – это возможность поддерживать отношения на расстоянии, делиться эмоциями и мыслями в деталях и в комфортной обстановке. Эти цели достигаются с помощью кооперативных речевых стратегий: информирование, самопрезентация, создание позитивной тональности общения, солидаризация. Этот факт подчеркивает значимость общения ГС для укрепления взаимоотношений людей, а не простого обмена информацией.

Таким образом, ГС отражает важную современную тенденцию общения, которая выражается в желании быть всегда на связи, общаться на повседневные темы «простым

языком» в условиях быстрого ритма жизни, асинхронного общения и удаленности собеседника. Разговорная речь приобретает особый социально-коммуникативный и психологический статус.

Е. С. Кара-Мурза (Москва)

МГУ

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СПЕКТР РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ СТИЛЯ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ОППОЗИЦИЮ РАЗГОВОРНОСТИ И КНИЖНОСТИ

Разговорность как стилистическая или риторическая (по О. Б. Сиротининой) категория стала одной из ведущих тенденций русского языка в СМИ. Это важный показатель диалогичности массмедиа. В то же время разговорность (через ненормативную лексику) может проявляться как сниженность стиля и даже как нарушение лингвоэтических норм.

Представляется перспективным рассмотреть разговорность (вместе с ее «оппозицией» – книжностью) еще и как стилистико-типологическую черту на примере такого направления, как журналистика стиля жизни. Эта сравнительно новая разновидность отечественной досуговой журналистики, тесно связанная с глобальным медиарынком, и она слабо изучена в культурно-речевом аспекте.

Социостилистическая типология журналистики (или социолингвистическая – в терминах проф. И. П. Лысаковой) комплементарна, с одной стороны, к функционально-стилистическому, к медиалингвистическому и к дискурсивному анализу, а с другой – к медиалогическим исследованиям. Ведущий параметр этой типологии – социолект, точнее, отражение: 1) языка аудитории и 2) языка издания как коллективного риторика.

Эта типология соотносится с разделением прессы (шире – СМИ) на качественную (аналитическую, с серьезным тоном и сложным языком) и массовую/ таблоидную (развлекательную, с языком фамильярным и простым). Есть мнение, что журналистика стиля жизни – качественная. Но эта оценка справедлива только отчасти, потому что ЖСЖ охватывает широкий спектр тематики и функций и разнообразна по контенту и по языку. Ее ядро – это глянец («новости мира звезд» – «ОК», гендерная и модная журналистика – Vogue); центр – гиды выходного дня (Ъ-WEEKEND) и телегиды; гастрожурналистика и др. Периферия – журналистика путешествий («Вокруг света») и научно-популярные и социальные проекты («Нож»).

Медиаисследователи делят глянец на элитарный и массовый, а глянцу в целом противопоставляют «матовый лайфстайл». Эти позиции коррелируют с книжной и разговорной стилистикой, с высоким и низким уровнем культуры речи. «Матовый»

журнал *Seasons of life* – это интеллектуальное *slow media*. А интернет-сайт *Starhit* – это таблоид про скандалы из жизни звезд спорта и масскульта, о которых в нем пишут в вульгарной манере и зачастую безграмотно. Но именно ему стабильно принадлежит первое место в ежеквартальных рейтингах цитируемости лайфстайл-изданий от компании «Медиалогия» («пипл хавает», по выражению Богдана Титомира). В интернет-проекте «Антиглянец» стиль разговорный до вульгарного, и в этом можно увидеть отступление от гендерной нормы (его авторы – женщины).

В. И. Карасик (Москва)

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАПРЕТЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Целью работы является характеристика избегаемых моделей коммуникативного поведения в современной России. Эта тематика вписывается в изучение ценностной картины мира, отраженной в языке, и лингвокультурных типажей – узнаваемых лингвистически релевантных типов личностей. Избегаемые модели поведения можно назвать коммуникативными запретами. Они своеобразны для определенного языкового сообщества и определенной эпохи.

В современном общественном мнении под влиянием стереотипов массовой культуры стигматизируются не столько внутренние установки человека, сколько их внешние проявления, которые, впрочем, свидетельствуют о внутренних установках. К числу таких запретов можно отнести следующие: недопустимость патетики, неприемлемость замедленной реакции на события, нежелательность увлеченности работой и учебой. Эти табу объясняются ускорением темпа жизни, стремительным ростом объема информации и общей демократизацией общественных отношений.

Патетика (или пафосность) невозможна на короткой дистанции общения, она выглядит смешно и нелепо в житейской плоскости. В этом плане радикальная ломка романтического мировосприятия привела к тому, что ценностная вертикаль была упразднена. Но если романтик осуждает мещанина в серьезной тональности, иногда в саркастическом ключе, то антиромантик прибегает к иронии и стёбу. Патетика в этом плане представляет собой удобный объект для критики.

Императив «*Не тормози!*» выдвигает на первый план естественность человеческой реакции, требует упразднить внутреннюю цензуру, которая, как правило, ориентирует человека на учет интересов всех участников социального взаимодействия. В известной

мере табуирование внутренней цензуры соответствует табуированию патетики, поскольку и то и другое связано с естественностью поведения. Общение происходит на подчеркнута дружеской дистанции, здесь ценится моментальная реакция, эмоциональный отклик, а не взвешенная отредактированная позиция. Скорость реакции – характерное свойство молодости, и знаком нашего времени является ювенильность как норма поведения всего населения.

Социальное неодобрение увлеченности работой или учебой обусловлено потребительскими гедонистическими установками современного общества. Предполагается, что интерес к работе или учебе оправдан только получением достаточного материального вознаграждения за труд. Те, кто нарушает данный запрет, считаются странными чудаками. Неприязнь к таким чудакам коренится в общей установке антиинтеллектуализма как доминанты массовой культуры.

Н. И. Куреев (Москва)

НИУ ВШЭ

ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ СТАРЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ:

ИБО И ДАБЫ

В докладе речь пойдет о функционировании в русском языке двух союзов. Оба они считаются устаревшими (см., напр., [МАС: 360, 626]): книжное *ибо* редакторы заменяли на более нейтральное *потому что* уже в петровскую эпоху [Живов 2017: 957], а *дабы* приобрело отчётливую возвышенную окраску немногим позже. Обнаруживается, однако, что эти слова вполне употребимы в современной разговорной речи.

Аномально высокая частотность этих слов в газетном и устном подкорпусах Национального корпуса русского языка и особенно в Генеральном интернет-корпусе русского языка (свыше тридцати вхождений на миллион словоформ в текстах из соцсетей, см. <https://int.webcorpora.ru/drake/>) совершенно несопоставима с частотностью других устаревших союзов типа *поелику*, *понеже* или *зане*.

Более того: при внимательном чтении текстов из Интернета становится ясно, что слова *дабы* и *ибо* вполне согласуются со сниженностью стиля — в частности, фразеологизмы *ибо нефиг* и обценное *ибо нех*й* оказываются достаточно распространёнными в разговорной речи.

В докладе будет предпринята попытка описания этого нестандартного стилистического сдвига и высказаны гипотезы относительно его причин. Отдельное внимание будет уделено акцентологической стороне данного процесса: в современном

языке употребительны ударения *да́бы* и *и́бо*, в то время как исконно ударение в обоих словах падало на последний слог [Зализняк 2019: 497, 630].

Литература

Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. Том II. М.: Русский фондсодействия образованию и науке, 2017.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расшир. И перераб. М.: ЯСК, 2019.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А—Й. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

А. Д. Козеренко, К. Л. Киселева (Москва)

ИРЯ РАН

ИЗИ КАТКА, ВАН ЛАВ, ДОББИ СВОБОДЕН И ДРУГИЕ ЧАСТОТНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ: ИСТОЧНИКИ И МЕХАНИЗМЫ ИДИОМАТИЗАЦИИ

В современной разговорной речи встречаются многочисленные устойчивые выражения, которые распространились в последние два десятилетия и пока и не стали и, возможно, никогда не станут частью литературного русского языка. Источниками этих устойчивых и, как правило, очень частотных выражений могут быть: молодежный, геймерский, уголовный и другие жаргоны (*изи катка; ван лав; заскамить мамонта; по фану; вечер в хату*); цитаты из фильмов, сериалов, анекдотов (*Добби свободен; выпускайте Кракена*), выступления известных людей (*хайли лайкли; денег нет, но вы держитесь*); общение в блогах и социальных сетях (*белое пальто; бомбить Воронеж; спасибо, кэп*). В некоторых случаях эти новые выражения являются калькой с английского или просто транслитерацией английского словосочетания.

Следует отметить, что заимствование устойчивых выражений из других языков происходило и раньше, оно не является новым (ср. *фифти-фифти, шерше ля фам, табула раса* и мн. др.) Превращение цитат в идиомы также хорошо изучено (*шел в комнату, попал в другую; брать борзыми щенками*), хотя сегодня вместо литературных произведений в качестве источника цитат чаще выступают фильмы и сериалы. Есть и более существенные изменения: если раньше постоянным источником разговорной идиоматики были пословицы и поговорки, то сегодня в этом качестве выступают интернет-мемы, онлайн-коммуникация, компьютерные игры.

Такой богатый и разнообразный языковой материал не может не вызывать интерес исследователя. Мы ставили перед собой две задачи. Во-первых, выявить источники некоторых из этих выражений и проследить, когда именно они возникли и стали массово употребляться в речи. Во-вторых, хотя рассматриваемые выражения, несомненно, обладают устойчивостью, степень их идиоматичности сильно различается: некоторые из таких выражений уже можно признать идиомами, тогда как другие остаются коллокациями, клише или цитатами. В докладе мы проследим, каким образом происходит переосмысление этих выражений, и покажем несколько частотных способов их трансформации.

Н. И. Клушина (Москва),
Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ: КАТЕГОРИЯ РАЗГОВОРНОСТИ И «НОВАЯ УСТНОСТЬ»

В современной интернет-коммуникации с ее установкой на так называемую «новую устность» особое значение приобретает стилевая и стилистическая категория разговорности. Данную категорию необходимо отличать от выработанных в российской лингвистике понятий «разговорная речь» и «разговорный стиль».

Разговорная речь рассматривается как неcodифицированный вариант литературного языка, ориентированный не на императивные нормы письменной речи, а на нормы коммуникативные. Разговорный стиль является одним из функциональных стилей литературного языка, который используется в бытовой сфере общения. Категория разговорности выходит за рамки данных лингвистических концепций и представляет собой семантико-стилистическую категорию (ССК), с помощью которой моделируется устная форма неcodифицированного литературного языка для стилизации неофициального общения. Особую роль категория разговорности играет в современной интернет-коммуникации.

Категория разговорности призвана наиболее точно воспроизвести в письменной речи имитацию речи устной, что отвечает базовой установке интернет-коммуникации на интерактивный диалог. Категория разговорности не только придает интернет-коммуникации устно-письменный характер, но и реализует важнейшую функцию языка – креативную, поскольку пользователи интернета прибегают к различным незуальным способам передачи устности на письме. Креативные способы выражения эмоциональных характеристик в письменной речи, стилизация разговорных конструкций в интернет-коммуникации предоставляют возможность для формирования нового,

мультимедиа́льного кода языка, способного отразить все нюансы «живого диалога» в новой технологической среде.

С. В. Князев (Москва)

ИРЯ РАН

ИНТОНАЦИЯ ОТВЕТНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ РЕПЛИК В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТУР ИК-4

Одной из особенностей просодического оформления высказываний с семантикой завершенности в севернорусских говорах является широкое распространение в них мелодического контура с восходящим движением тона [Кузнецов 1949: 13-14; Брызгунова 1977; Щигель 1985; Пауфошима 1989]. Чаще всего такая интонация отмечается в ответных диалогических репликах, преимущественно однословных. Е. А. Брызгунова отмечала, что этот контур тождественен ИК-4 литературного языка [1977: 241].

Проведенный нами анализ ответных диалогических реплик в пяти архангельских говорах показал, что реальная структура этого контура сложнее: в эталонном виде – при наличии достаточного числа заакцентных слогов – он имеет структуру [низкий тон на ударном гласном + высокий тон на отрезке между ударным и конечным слогами + низкий тон на конечном слоге фразы]. Отличие от ИК-4 заключается в повышении тона сразу после ударного слога и его конечном падении.

При реализации контура на последнем во фразе слоге может наблюдаться его компрессия: сокращение (вплоть до полного отсутствия) отрезка с высоким тоном и фрагмента с конечным понижением. При этом в исследованных говорах не существует запрета на ассоциацию трех тональных целей с одним слогом, поэтому усечение контура отсутствует.

В качестве фонологической интерпретации контура мы предлагаем описание L*N-L% (низкий тональный акцент – высокий фразовый тон – низкий пограничный тон) в отличие от L*N% (низкий тональный акцент – высокий пограничный тон) ИК-4. Полученные данные служат еще одним аргументом в пользу положения о том, что фразовый тон является одним из необходимых элементов описания севернорусской просодии – в отличие от литературной.

Контуром L*N-L% оформляется около 80% ответных высказываний в диалоге, особенно часто – реплики с частицей *да*; это не позволяет согласиться с мнением, что он, как ИК-4, употребляется «для усиления возражения, несогласия» [Брызгунова 1977: 242] и

маркирует «противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов» [Брызгунова 1980: 115].

Н. В. Козловская (Санкт-Петербург)

ИЛИ РАН

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВЕ «КЛУБ ФИНСКИХ ДАЧНИКОВ»

В докладе анализируются некоторые группы разговорных слов и выражений, собранных в процессе двухлетнего (2020-2021 гг.) наблюдения за речевым поведением участников «Клуба финских дачников» в мессенджере «Телеграм».

Коммуникация в чате характеризуется непринужденностью, креативностью, ярко выраженной эмоциональностью. Основные темы коммуникации определены воздействием внешних факторов развития языка: изменение политической ситуации в мире, пандемия, спецоперация, ухудшение российско-финских отношений, частичное закрытие границы.

Особую группу лексики составляют транслитерированные и нетранслитерированные финские слова, включаемые в русский текст: *веро, верот, vero* (налоги), *вуокра* (фин. Vuokra – аренда), *туле* и *туля* (от фин. Tulli – таможня) и некот. др.

Политические события – одна из самых обсуждаемых тем в чате, что обусловило значительное количество соответствующей лексики в исследовательской выборке: *англо-саксонские хозяева, навальнята, ольгинские, пригожинские, хунта, Зетовцы* и др.

Коммуникация в чате отражает основные неологические тенденции в русском языке новейшего времени. Так, в период пандемии активно использовалась т.н. «ковидная лексика»: *антипрививочники, карантинить, сделать бустер, пфайзернуться*.

Ограничение и запрет денежных переводов привели к активизации разговорной лексики, связанной с финансовой сферой: *мониторить биржу, соскочить с тарифа, карточный туризм, пластиковый туризм* и мн. др.

Заслуживает внимания использование участниками чата фразеологизмов (*адвокаты руками развели*), а также пословиц и поговорок. Например, на новость о замораживании активов российских олигархов один из пользователей отреагировал: *Как пришло, так и ушло*.

Анализ чата финских дачников представляет интерес с лингвистической точки зрения, так как это сообщество образованных взрослых людей, общение которых отражает значимые для современной русской речи лексико-сематические процессы.

М. А. Кормилицына (Саратов)

Саратовский государственный университет

О СТАТУСЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ЕЕ МЕСТЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В самых разных отраслях науки о человеке, его языке и коммуникации до сих пор сохраняется интерес к изучению разговорной речи. Многие из нас помнят дискуссию 80-х годов прошлого века. Является ли разговорная речь (далее РР) особым языком или же это особая функциональная разновидность литературного языка? Какие её признаки надо

признать определяющими: непосредственность общения (О. Б. Сиротинина), спонтанность речи (К. А. Долинин) или совокупность названных признаков (Е. А. Земская)? Все признавали, что РР – это особая сфера коммуникации. В работах саратовских исследователей было предложено такое определение: «РР – это **спонтанная устная литературная речь в условиях непринуждённого неофициального непосредственного персонального общения**» [Разговорная речь в системе... 1983: 3].

Степень спонтанности в РР, конечно, может быть различной, но она никогда не достигает степени подготовленности книжных стилей. В РР отсутствует забота о способах выражения мыслей, можно даже говорить о пренебрежении ими. Главное – выполнение коммуникативной функции. Поэтому в РР неиспользованными оказываются многие возможности языка: не реализуется его синонимическое богатство, упрощается синтаксис, допускаются речевые неточности и ошибки и др. Знание речевой ситуации позволяет в РР активно использовать принцип экономии языковых средств, экономии времени и речевых усилий. Многие помнят известное высказывание Е. Д. Поливанова, что в обиходной речи мы говорим намёками – и тем не менее хорошо понимаем друг друга.

В наше время, благодаря новым информационным технологиям передачи информации, Интернету, активному внедрению во все сферы жизни человека дистанционных (опосредованных) методов деятельности, произошли некоторые изменения в понимании сути РР и условий её использования.

Активизируется опосредованная форма общения людей: она в наш прагматический век кажется участникам коммуникации более надёжной и менее «рискогенной». При такой форме общения появляется возможность продумывания речи, перестройки предложений, замены слов и даже, в случае острой необходимости, обращения к словарям и справочникам, что уже само по себе способствует гармонизации персонального общения. Первичная для понимания сути РР устная форма непосредственного общения эти возможности исключает. РР начала XXI века – это устная спонтанная литературная речь в условиях непринуждённого неофициального персонального общения.

Некоторые изменения в определении РР, её социальном и коммуникативном статусе будут рассмотрены в докладе.

Литература

Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка. Саратов, 1983.

Г. Е. Крейдлин (Москва)

РГГУ

Е. Я. Шмелёва (Москва)

ИРЯ РАН

ПАРАЯЗЫК В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ XXI ВЕКА: ФУНКЦИИ, ЗНАЧЕНИЕ, УПОТРЕБЛЕНИЕ

В докладе предполагается обсудить функциональные, семантические и синтаксические особенности различных параязыковых единиц в устных текстах нашего времени и графическое представление этих единиц в письменных вариантах тех же текстов. Такое описание существенно дополняет словари современного русского языка и словари языка русских жестов и служит основой для построения словаря русских параязыковых единиц.

С. А. Крылов (Москва)

Институт востоковедения РАН

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА РАБОТ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Корпусные методы применимы не только к изучению русского языка (РЯ) неспециальных (художественных) текстов, но также и к изучению РЯ специальных (конкретнее, научных) текстов, в т.ч. текстов по лингвистике. Для их изучения целесообразно применить корпусный подход, в рамках которого создаётся т. н. Металингвистический корпус РЯ (МЛКРЯ).

Сегодня МЛКРЯ состоит из 3 подкорпусов: МЛКРЯ-1 (общая лингвистика); МЛКРЯ-2а (лингвистическая русистика); МЛКРЯ-2б (языки мира).

2. В корпус МЛКРЯ-2а входят, в т.ч., тексты исследований русской разговорной речи (далее РРР). Это не только труды по русской коллоквиалистике, в т.ч. книги Н. Ю. Шведовой, О. А. Лаптевой и др., и по стилистике, в т.ч. книги М.Н.Кожиной, О. А. Крыловой, и др., но также (главным образом и преимущественно) тексты авторов, в той или иной степени составляющих Московскую школу функциональной социалингвистики, напр., таких, как: И. П. Мучник, Н. А. Янко-Триницкая, М. В. Панов, Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелёв, Е. А. Земская, О. П. Ермакова, Л. А. Капанадзе,

Л. П. Крысин, М. Я. Гловинская, Е. Н. Ширяев, Е. В. Красильникова,
М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина.

3. Информационно-поисковая система МЛКРЯ-2а должна обеспечивать поиск не только таких элементов авторского метаязыка лингвистов, как (1) лингвистические термины, с помощью которых описывается феномен РРР, но и таких лексико-грамматических единиц, как (2) реальные атомы реального естественного семантического метаязыка, реально используемого авторами в ходе семантической интерпретации единиц РРР и (3) сами письменные словоформы, используемые для записи означающих единиц РРР, употребляемых в составе т.н. лингвистических примеров.

Л. П. Крысин (Москва)

ИРЯ РАН

«ЖЕСТОВЫЕ» СЛОВА И ИХ ОПИСАНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

«Жестовыми» можно условно назвать слова, употребление которых в устном и обычно визуальном общении сопровождается или может сопровождаться какими-либо жестами, телодвижениями, мимикой. Это, например, русская частица *на* в контекстах типа: – *Ты мой мобильник не видела?* – **На!** *вот он/ ты его под книги засунула!*; (Разговор старшего и младшего братьев:) – *Я тебе сто раз говорил/ не бери мой шарф!* – *Да на/ на его/ подавись!*; (Дочь - матери:) – *Мам/ ты мне свои серьги на вечер не дашь?* – **На!** *только осторожней/ у одной замок плохо держит!* (Записи устной речи, 2003, 2009). Толкование этой частицы в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР) содержит указание на использование жеста при произнесении частицы *на* в устной речи: «разрешение взять что-л. в ответ на просьбу, сопровождаемое жестом передачи предмета».

Чаще всего жесты сопутствуют употреблению частиц и междометий, некоторых местоименных наречий типа *так, там, туда, досюда, дотуда*; ручные жесты, а также определенные телодвижения и мимика могут присутствовать и при произнесении слов, принадлежащих к иным грамматическим разрядам.

В докладе будут представлены словарные описания ряда слов, принадлежащих к перечисленным лексико-грамматическим группам, и комментарии к этим описаниям.

НЕКОДИФИЦИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ

Устно-разговорное общение на диалекте характеризуется широким использованием разных видов неcodифицированной лексики, особенностями ее взаимоотношений и отношений с лексикой литературной. В разных говорах, в разных социальных подгруппах носителей диалекта, в разных идиолектах набор неcodифицированных лексических элементов и их соотношения с лексикой codифицированной своеобразны. Однако в целом в речи диалектоносителей выделяются следующие разновидности неcodифицированных лексических единиц (примеры приведены по материалам записей речи грамотных старообрядцев – носителей среднерусского поволжского говора):

– общерусская разговорно-просторечная лексика (*маленько, слышать, захватить* ‘застать’, *вытащить* ‘извлечь, вынуть’, *убить* ‘израсходовать, неразумно истратить деньги’, *уважать* ‘любить, ценить’, *глядеть, поглядеть, меньшей, брательник, баба* ‘жена’, *больно* ‘очень’, *порешить* ‘убить’, *таскать* ‘носить’, *помереть, моментом* ‘тотчас, мигом’);

– фонетические и словообразовательные диалектные варианты общерусской разговорно-просторечной лексики (*маненько, прихватить* ‘застать’);

– фонетические диалектные варианты общерусской литературной лексики (*телевизер, элекстричка / лектричка, фицер* ‘офицер’);

– собственно диалектные лексические единицы (*фатера* ‘жилое помещение, место посиделок деревенской молодежи’, *зыбка* ‘колыбель’, *козулки* ‘колени’, *сибирка* ‘нарыв’, *тенёта* ‘паутина’, *ноне* ‘сейчас, теперь’), а также семантические и словообразовательные диалектизмы (*жаворонки* ‘маленькие сдобные булочки в форме жаворонков’, *усадьба* ‘земельный участок’, *теперьче/теперече, встреча* ‘навстречу’, *утрось* ‘утром’);

– созданные по регулярным словообразовательным моделям диалектно-просторечные образования, имеющие характер индивидуальных окказиональных единиц (*срамба* ‘срам’, *надтихнуть* ‘притихнуть’, *неподсильный* ‘непосильный’, *разряжаться* ‘раздеваться, снимать одежду’, *сократировать* ‘сокращать’, *бесстыжество, обща* ‘сообща’, *секретарьщица, охранщик, почтальонка*);

Разновидности некодифицированной лексики находятся в речи диалектоносителей в отношениях по преимуществу свободного варьирования как внутри данной группы, так и с лексикой общелитературной.

А. С. Кулева (Москва),
ИРЯ РАН

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ РАЗГОВОРНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

В толковых словарях русского языка и исследовательской литературе названия растений описаны весьма неравномерно. Причиной можно назвать двойственный характер этой лексики. Это и общезыковые единицы, называющие реалии окружающего нас мира, и подраздел специальной лексики, номенклатурный класс. В толковых словарях был сделан выбор в пользу второго понимания: от словаря к словарю усиливается научная часть толкования («растение... семейства...»), исключаются недостаточно научные единицы (называющие растения обобщенно – *желтоцвет*, стилистически окрашенные – *сморода*, устаревшие – *пламенник* и т.п.), однако исключаются и научные названия – как малоупотребительные. В результате эта группа слов в словарях неоправданно сокращается, а толкования оказываются малоинформативными. Новые единицы включаются в словари медленно, обычно через посредство словарей иностранных слов (*брокколи*, *киви* и др.). Старые, народные названия растений давно и плодотворно изучаются в рамках диалектологии, этнокультурных исследований (работы В. Меркуловой, В. Колосовой и др.).

Однако есть употребительные лексемы, остающиеся за рамками как толковой лексикографии, так и специальных областей науки: это современные разговорные названия растений. Их не существует в ботанической терминологии, но они не попадают и в толковые словари – как редкие, малоупотребительные и т.п. Отдельные лексемы становятся предметом изучения (работы Е. С. Протасовой, Б. Л. Иомдина и др.), однако это, к сожалению, не оказывает влияния на системное лексикографическое описание названий растений. Ср. единичные случаи в «Толковом словаре русской разговорной речи»: *кашка*; в Словаре под ред. Н. Ю. Шведовой: *герань* «2. Народное название пеларгонии».

При этом словари не включают таких достаточно употребительных названий растений, как *астильба*, *декабрист*, *живучка*, *волжанка*, *сентябринка/октябринка*, *огуречник*, *черноплодка*, *денежное дерево*, *узамбарская фиалка* и др.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ ГОРОЖАН-УРАЛЬЦЕВ

Вопрос о ценностных предпочтениях россиян активно обсуждается в современной гуманитаристике вообще и лингвоаксиологии в частности. Надежным источником, позволяющим объективно охарактеризовать аксиологически значимые участки наивной языковой картины мира, является спонтанная разговорная речь. В докладе анализируются расшифрованные аудиозаписи непринужденного диалогического взаимодействия горожан-уральцев [Ценностное содержание разговорного диалога 2021]. Информанты – представители разных возрастных, гендерных, профессиональных групп.

Для выявления аксиологического содержания диалогического общения выделяются тематически целостные фрагменты, позволяющие разграничить аксиологемы – прямые номинации ценностей, контраксиологемы – номинации антиценностей, а также аксиологическую маркированность единиц языка в ситуативном контексте.

В составе тематически определенных фрагментов речевого взаимодействия аксиологическую разработку получают номинированные базовые ценности: *помощь, открытость* (но не изолированность), *семья* (но не *однополые браки*), *качественное образование, диплом* (но не *корочки*), *работа, достойная зарплата* и др. Прослеживается аналитическое ценностное восприятие гуманитарных, инженерных профессий и соответствующих лингвокультурных типажей. Особо выделяются аксиологемы *наш город, наш завод, наш человек*.

Литература

Ценностное содержание разговорного диалога : монография / отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2021. 228 с.

И. Б. Левонтина (Москва),

ИРЯ РАН

КАК УСТ РУМЯНЫХ БЕЗ УЛЫБКИ. О МЕХАНИЗМАХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК

Есть такие грамматические ошибки, которые встречаются, особенно в спонтанной устной речи, чрезвычайно часто, в некоторых случаях едва ли не чаще, чем правильный и

осмысленный вариант. Механизмы их бывают разными. Например, в модели управления могут перепутываться актанты: человек запоминает модель в целом, но упускает из виду, «кто на ком стоял». Это такие случаи, как *ревновать кого к кому* и в еще большей степени *обязан чем кому*.

Есть и другие механизмы. Так, с конца прошлого века очень активно используется сочетание вида *уже как два года* вместо прежнего *уже два года, как*. Здесь происходит преобразование сложноподчиненного предложения в простое, а придаточного времени – в обстоятельство времени. При этом образуется интересная лексическая единица – *уже как*.

А. Б. Летучий (Москва)

НИУ ВШЭ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ПО МНОЖЕСТВЕННОМУ ЧИСЛУ С НАЗВАНИЯМИ КОЛЛЕКТИВОВ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В языках мира часто фиксируется семантическое согласование. Однако оно в разной мере развито в разных языках и в разных контекстах. Например, известно, что в английском широко развито согласование по множественному числу с именами коллективов (см. подробный анализ этого явления в Smith 2017).

The police fail / fails to investigate a suspicious accident.

‘Полиции не удаётся расследовать подозрительное происшествие’.

Police – это существительное в единственном числе, и синтаксически оно должно было бы вызывать согласование по ед.ч. *fails*, но допускает форму мн.ч. *fail* (словари часто даже указывают этот вариант как главный). В то же время так ведут себя не все имена коллективов: например, *army* допускает мн.ч. только при акценте на множественность участников.

Русский язык в таких контекстах запрещает множественное число:

Полиция не может / *не могут найти виновных.

Тем не менее, в устной речи и языке интернета допускается семантическое согласование с названиями коллективов, например, организаций (см. [Кувшинская 2019] о похожих явлениях в сфере квантификации).

... *Майкрософт планируют* сделать свой Xbox магазин на мобилках.
(<https://forums.gamemag.ru/topic/.../>)

В 2022 году *Сяоми выпустили* новинку... (<https://xi.express/blog/articles/.../>)

У нашего доклада будет две задачи. Первая из них – лексическая. Мы попытаемся выяснить, действительно ли, как в двух примерах выше, этот феномен встречается почти исключительно при согласовании с именами собственными, прежде всего иностранными. Это было бы объяснимо: иностранные имена собственные, во-первых, часто не имеют зафиксированного в языке рода (в этой связи затруднено согласование по ед.ч.) и, во-вторых, не всегда позволяют сделать вывод о роде по окончанию слова.

Вторая задача – грамматическая. Поскольку в русском языке есть много типов согласования (глагольное – *Вася пришёл*, адъективное – *высокий стол*, согласование местоимения с антецедентом – *Кошка мяукает, она хочет есть*), планируется выяснить, в каких случаях семантическое согласование рассматриваемого типа более употребительно, а в каких не используется.

Литература

Кувшинская Ю. М. 2019. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке. *Сибирский филологический журнал* 2. 189-215.

Smith P.W. 2017. The syntax of semantic agreement in English. *Journal of Linguistics* 53.4. 823-863.

А. В. Мальшева (Москва)

ИРЯ РАН

ВЫБОР ПАДЕЖА ПРЯМОГО ОБЪЕКТА ПРИ ГЛАГОЛЕ В КОНСТРУКЦИЯХ С УСИЛЕНИЕМ ОТРИЦАНИЯ

Известно, что одним из факторов, обуславливающих предпочтение родительного падежа винительному в отрицательной конструкции, является наличие слов и сочетаний, усиливающих отрицание (местоимения *никакой, ничто*; сочетания *ни один, ни единый*, частица *ни*, отрицательный союз *ни...ни*): *никого автобуса не видел, ни одного билета не покупал*. В докладе рассматриваются конструкции с усилением отрицания на материале устного корпуса НКРЯ. Данные НКРЯ извлечены из пользовательского подкорпуса «Устная непубличная речь» объемом 1572166 словоупотреблений (учитывались только материалы, записанные в Москве и Санкт-Петербурге).

Исследование показало, что наличие средств, усиливающих отрицание, в устной непубличной речи в целом продолжает обуславливать предпочтение генитива, однако процентное соотношение генитива и аккузатива неодинаково в разных конструкциях.

В сочетаниях со словами *ни один, никакой* преобладают генитивные формы: *не знаю ни одной песни; я больше никакой информации не помню об этом*, хотя возможен и аккузатив: *не выложила ни одну фотку, мы сериалы никакие не смотрим*.

В конструкциях с повторяющимся союзом *ни-ни* преобладает вин. п. Рассмотрено 4 типа синтаксических контекстов, в которые входит повторяющийся союз *ни-ни*. 1. Перечислительный ряд с двумя и более однородными членами без обобщающего слова (*ни... ни...*): *никогда не видел ни шампуня / ни мыла; можно ни первое/ ни второе не говорить*. 2. Перечислительный ряд с двумя и более однородными членами с обобщающим словом (*ни... ни... ничего*): *не имея ни денег/ ни средств/ ничего; ни кофе ни чай / ничего не делали*. 3. Одноместный перечислительный ряд с обобщающим словом (*ни... ничего*): *не знала ни остановки / ничего / только номер трамвая; а телефон так и не написала ни рабочий / ничё*. 4. Одноместный перечислительный ряд без обобщающего слова (*ни...*): *и я был официально зачислен/ хотя я не имел ...аа... ни трудовой книжки / потому что...; ну что... она ни обезболивающие не пила...*

Во второй части доклада данные НКРЯ сопоставляются с данными диалектных электронных корпусов.

Т. В. Матвеева (Екатеринбург)

К ПРОБЛЕМЕ ФРАЗОВОГО СЛОВАРЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Лексикографическая традиция толковых словарей связана с выявлением семантики слова на базе ряда контекстов. Во главу словарной статьи ставится изолированное слово (недаром: **словарь**). Эта традиция сильна и сейчас, в период усиленного внимания к речевой деятельности, дискурсу, о чем говорит популярность термина *дискурсивные слова* (единицы, управляющие процессом общения) и признание значимости описания семантики таких слов. В то же время обозначенный материал не может не осмысляться в коммуникативном аспекте, что подтверждается целым набором параллельных терминов: высказывания, эквиваленты слова, дискурсивные формулы, коммуникативы, коммуникемы, обороты живой речи, специальные коммуникативные единицы и др. Специфику такого материала составляет доминирование функционально-прагматического содержания, что порождает сверхмногозначность словарных единиц, а также их неподатливость по отношению к обычным методам словарного толкования.

Фразовый словарь коммуникативов разговорной речи может строиться на принципиально иных основаниях. Если за исходное положение взять основную парадигму лингвопрагматики – набор речевых стратегий – и принять в качестве словарных единиц прагматически нагруженные реплики диалога, можно фиксировать и многомерно классифицировать речевые поступки коммуниканта в рамках избранной стратегии. При этом учитывается цель речевого поступка и состав компонентов реализуемой коммуникативной ситуации. Контекстом коммуникатива является диалогическое единство, в котором он реализован. В конечном счете, идеографический фразовый словарь разговорной речи будет содержать группы отдельных реплик разговорного диалога, реализующие функционально-прагматические и культурологические разновидности речевого взаимодействия коммуникантов.

Высказанное предложение иллюстрируется на материале реплик адаптивного управления ходом разговорного диалога, которые формируют диалоговую стратегию разговорного общения.

Н. Б. Мечковская (Минск).

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

1. Как происходила легитимация разговорной речи в качестве одного из двух вариантов литературного языка? Первое масштабное академическое исследование русской разговорной речи (далее РР), проведенное в ИРЯ АН, было начато в 1968 г. Е. А. Земской в проспекте исследования; его результаты представлены в 4-х коллективных монографиях 1973–1983 гг. (одна из книг – это записи текстов). Однако внимание к РР имеет более отдаленные истоки. С начала XX в., благодаря радиовещанию и грамзаписи, рос интерес к сценической и, шире, публичной устной речи, а также к речи непубличной и спонтанной. Л. П. Якубинской в работе «О диалогической речи» (1923) показал важные психолого-коммуникационные отличия РР от речи книжно-монологической.

В истории социокультурной легитимизации разговорной речи фундаментальное значение имела позиция «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В его 1-ом томе (1935), во введении к словарю, «разговорная речь образованных людей» определялась как одна из двух форм литературного языка – наряду с его книжной формой. Однако маркер разговорности еще долго смущал исследователей РР. Так, в «Основах построения описательной грамматики...» (1966) синтаксические модели РР еще не признавались нормативными. Однако уже в 1968 г. книга «Морфология и синтаксис

русского литературного языка» (ред. М. В. Панов) заканчивалась главой «Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений», написанной О. А. Лаптевой. Не пройдет и 10 лет, как глава вырастет в книгу «Синтаксис разговорной речи» (Лаптева 1976).

2. Перед исследователями РР открылась новая языковая реальность – небывалая прежде в грамматиках, но узнаваемая и близкая по жизни. Исследование охватило все уровни языка, с наибольшей полнотой – морфологию, синтаксис и словообразование (где возможно исчисление классов и моделей строения единиц). Что касается лексического уровня, то это задача иного описания материала – словарного (что не планировалось в первом проекте). Тем не менее уже в те годы были созданы разноаспектные и доказательные характеристики номинации и семантического своеобразия разговорной лексики. Впервые в русистике была показана система жестов в их координированности с ритмикой и прагматикой высказывания.

Абсолютно новаторским по самой трактовке объекта изучения и методологии исследования представляется раздел «Фонетика» в 4-ой книге проекта (Русская разговорная речь 1983), написанный Н. Н. Розановой. Новизна подхода в том, что это была суперсегментная фонетика. Ее единицы – не сегменты звучания (гласные и согласные), но суперсегментные процессы, – такие, как распределение словесных ударений в высказывании, разная деформация слов с разным по силе ударением, динамика названных процессов в зависимости от информационной нагрузки тех или иных сегментов речи, частеречной принадлежности слов, темпа речи и др.

3. Сам замысел коллективного и многолетнего исследования неофициальной и непубличной устной речи имел в глазах общества несомненно “оттепельный”, демократизирующий и либерализирующий смысл. Позже, в коллективной монографии ИРЯ РАН «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», эта позиция определит смысл раздела во Введении к книге, написанного Е. А. Земской, в заглавии раздела со всей прямотой заявившей: «Мы не нормализаторы».

4. В системе современной коммуникации функции РР настолько значительны, что возникает тревога за судьбу кодифицированного языка: не поглотит ли его РР или койне массовой культуры. Названной тенденции противостоит всё более глубокая диверсификация контента, идущая в разных направлениях: 1) между разными языковыми сегментами интернета (наряду с растущей востребованностью международных языков); 2) между контентом разных отраслей знаний и профессий; 3) между контентом разных поколений.

ОФИЦИАЛЬНОЕ, РАЗГОВОРНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализ расшифровок записей телефонных диалогов клиентской службы доставки одной из крупных российских компаний (2021 г., 20000 словоупотреблений) позволяет охарактеризовать особенности официально-делового устного общения современного носителя русского языка. Устная форма официально-делового стиля, являясь стилистическим гибридом, допускает смешение официальных и разговорных черт, характер которого определяется коммуникативной ролью говорящего.

Коммуникация сотрудников службы доставки в целом соответствует параметрам делового общения, хотя и является опосредованной устной речью. Общение с клиентом подчинено жёсткой схеме, стандартизировано, осуществляется с помощью речевых формул и этикетных клише, коммуникативных стратегий и тактик, характерных для сферы обслуживания.

Речь клиентов, обращающихся в службу доставки, в большинстве случаев демонстрирует минимальные признаки официальности и являет образцы разговорного, а нередко и просторечного диалога. Клиенты расширяют границы официально-делового общения, что проявляется в допуске посторонней информации, а также в попытках вступить с работником службы доставки в неформальные отношения. Наиболее ярко культура речи клиентов обнаруживается в оформлении конфликтных ситуаций, претензий к службе доставки, когда широко используются обценнизмы.

В общении коммуникантов регистрируется присутствие третьего участника диалога - Интернета - не только как некой локации, в которой сотрудником и клиентом осуществляется последовательность определённых виртуальных действий, но в то же время и как обезличенного субъекта, самостоятельно продуцирующего целый ряд операций.

Таким образом, анализ устной диалогической речи, осуществляющейся в телефонной службе доставки российской компании, демонстрирует ярко выраженную зависимость стилистического характера речи от коммуникативной роли говорящих, что проявляется в сохранении общих признаков официально-деловой коммуникации персоналом и полном невладении или в нежелании владеть деловым общением клиентов. В речи коммуникантов регистрируются признаки общения с виртуальным собеседником – электронной системой обслуживания клиентов.

Я И ДРУГИЕ В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕМАНТИКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ

1. В докладе соединяется стилистический аспект изучения разговорной речи и грамматика и семантика конструкций, выражающих эксклюзивность субъекта речи.
2. Под эксклюзивностью субъекта речи понимается невхождение говорящего в состав субъектов диктума (обычно субъектов действия или состояния). В грамматической литературе соотношение *Я/другие* обсуждалось в работах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Г. А. Золотовой на примере неопределенно-личных предложений (односоставных предложений, в морфосинтаксисе V_{3pl}); см. обзор в Неопределенно-личные предложения (Русграм, Никитина). В семантических исследованиях, соединяющих разноуровневые средства языка, данная проблематика привлекает внимание в связи с категорией чуждости (А. Б. Пеньковский), которая получает выражение посредством лексики, грамматических конструкций и, главным образом, местоимений. См. коммуникативно-грамматический анализ указательного местоимения (*Не этой девочкой несмелой...*) в связи с дистанцированностью субъекта сознания. Ср.: для интерпретации отчуждающего эффекта неопределенно-личных предложений Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев вводят понятие нулевого местоимения с эксклюзивной семантикой, см. также лексему $0_{люди}$ у И. А. Мельчука.
3. Материалом для исследования послужили реплики из комментариев пользователей ютуб-ресурсов и городских интернет-порталов. Данные реплики прошли предобработку автоматическим анализатором: (1) были отобраны реплики, имеющие в своем составе предикаты эмоционального отношения *любить, нравиться*, (2) реплики были поделены на отдельные клаузы.
4. В центре внимания доклада будут конструкции, парадоксально соединяющие 1-е лицо и неопределенно-личность (*Не любят у нас красоту и порядок*), обнаруживающие двойную идентичность говорящего, и конструкции, соединяющие квантор всеобщности и эксклюзивность говорящего (*Все так любят кричать, что силовиков много*). Интересно, что инклюзивность автора достигается отрицанием всеобщности (*Не все же любят суматошные города-миллионники*).

СЛОВА *ФИГУШКИ* И *ХРЕНУШКИ* КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В русском языке существует множество единиц, выражающих отрицание: помимо самых привычных и универсальных с точки зрения регистра, семантики и грамматики *не* и *нет*, можно назвать целый ряд слов и выражений, являющихся показателями отрицания и характерных сугубо для разговорной речи: *дудки*, *кукиши*, *нетушки*, *фиг*, *фиг ему*, *фига с два* (*хрена с два*, *чёрта с два*), *фигас*, *фигушки*, *хрен*, *хренушки*, *шши* и др. [ТСРР 2014–2022]. В докладе мы рассмотрим слова *фигушки* и *хренушки*, экспрессивные дериваты слов *фиг* и *хрен*, сниженные аналоги частиц *не* и *нет*, и покажем, в чем заключается их семантическая и синтаксическая специфика.

В качестве средства отрицания данные слова могут употребляться в двух основных контекстах:

I. как эмоциональный отрицательный ответ на чьи-л. слова, для выражения несогласия с предыдущим утверждением или отказа что-л. делать (аналог *нет*, *вовсе нет*, *ни в коем случае*, *ни за что*).

(1) — *Лучше вылезай!* — кричит в ответ Борман. — **Фигушки**, вы драться будете... (А. Иванов. Географ глобус пропил);

(2) *Но, блин, на почте народу... Хвост очереди из дверей торчит. Думал, днём народу не будет, **хренушки**, щас сделаю ещё одну попытку* (Пневматика – частные объявления // Форум, 2021).

II. как эмоциональное отрицание ситуации, выраженной в предложении (аналог *не*).

(3) *Хочу спaaать... спать – спать, спать, спать... уже обещаю себе лечь сегодня в 11, но понимаю, что **фигушки** сделаю это* (Блоги, 2009);

(4) *Узнав о том, что мы собираемся свалить, забрав аванс, хозяин заистерил, поняв, что **хренушки** он еще таких адекватных жильцов найдет* (livejournal.com, 2021).

Легко заметить, что в первом употреблении *фигушки* и *хренушки* не полностью уподобляются слову *нет*, хотя семантически и грамматически ведут себя схожим образом. В частности, помимо отрицания, в семантике рассматриваемых слов (см. примеры (1) и (2)) присутствует модальность, которую можно сформулировать следующим образом: X (говорящий, собеседник или тот, о ком идет речь) желает получить P, но по каким-то причинам не получает и воспринимает это как чье-либо злое намерение не удовлетворить данную потребность. Таким образом, используя *фигушки* и *хренушки* в данном контексте,

говорящий демонстрирует свой полемический, подчас даже конфликтный настрой в диалоге и одновременно выражает целый спектр эмоций (от раздражения и разочарования до удовлетворения и ликования), ср. с *нетушки* [Левонтина 2021]. То есть если представить такой диалог: – *Ты завтра будешь на встрече?* – ***Фигушки***, *без меня обойдетесь!*, становится понятно, что в данном случае в семантике *фигушки* содержатся как минимум два компонента: ассертивный – ‘Х не пойдет на встречу’ и модальный – ‘Х по какой-то субъективной причине не хочет, чтобы желание У’а видеть Х’а на встрече было удовлетворено’. Безусловно наличие модального компонента в семантике рассматриваемых слов накладывает ограничения на их употребление. В докладе мы покажем, какие именно.

Во втором контексте (см. примеры (3) и (4)), наиболее близким аналогом слов *фигушки* и *хренушки* представляется отрицательная частица *не*. Но здесь можно говорить, пожалуй, только об их семантической близости (с поправкой на наличие описанного выше модального компонента у *фигушки* и *хренушки*), поскольку грамматически рассматриваемые слова ведут себя по-разному. В частности, *фигушки* и *хренушки* могут занимать место не только перед глаголом (3), но и перед подлежащим (4). При этом, как правило, они не могут занимать позицию перед дополнением или обстоятельством (5d), а если всё же оказываются перед ними (5с), то предложения такого вида не могут быть интерпретированы как частноотрицательные, а только как общеотрицательные [Падучева 2011], ср. с (6).

(5a) Она <i>фигушки</i> <i>приедет завтра.</i>	} = ‘Неверно, что она <i>приедет завтра</i> ’
(5b) <i>Фигушки</i> она <i>приедет завтра.</i>	
(5c) Она <i>фигушки</i> <i>завтра приедет.</i>	
(5d) *Она <i>приедет <i>фигушки</i> завтра.</i>	
(6) Она <i>не</i> <i>приедет завтра.</i> ≠ <i>Не</i> она <i>приедет завтра.</i> ≠ Она <i>приедет <i>не</i> завтра.</i>	

Кроме того, в отличие от *не*, глагол с отрицанием, выраженным *фигушки* и *хренушки*, не может присоединять прямое дополнение в родительном падеже, ср. (7a) и (7b).

- (7a) Он ***не*** *нашел чистые носки / чистых носков.*
 (7b) ***Хренушки*** он *нашел чистые носки / *чистых носков.*

Эти и другие особенности, представленные в докладе, показывают, что *фигушки* и *хренушки*, отличаются от принятых в КЛЯ средств отрицания *нет* и *не* не только сниженным регистром, но целым рядом других признаков, в частности, сочетаемостью и сферой действия отрицания.

Литература

Левонтина И. Б. Маргинальные отрицания // Материалы международной конференции «Маргиналии-2021» (Сольвычегодск, 3–5 сент. 2021). С. 71–72.

Падучева Е. В. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2011.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи (отв. ред. Л. П. Крысин). Т. 1–5. М., 2014–2022.

Е. В. Осетрова (Красноярск)
КГПУ

ОЦЕНКА И ВАРИАНТЫ ЕЕ КОНТЕКСТНОГО РАЗВИТИЯ В ПОВСЕДНЕВОЙ РЕЧИ

1. Для устной речи характерно интенсивное и разнообразное использование оценочных форм и смыслов. Оценочность – одна из самых востребованных языковых категорий в практике повседневной городской речи, некодифицированной и неформальной, реализуемой в неофициальном, часто бытовом и околобытовом пространстве. У носителя языка эти факторы могут порождать ощущение поведенческой, содержательной, наконец, экспессивной свободы.
2. С учетом сказанного на материале повседневной речи жителей Красноярска рассмотрены позиции оценки в семантической структуре высказывания; оценка может заводиться в пресуппозицию (*Сколько раз я к ней прихожу / столько раз она меня в пижаме встречает... Ага?*), влиять на выбор языковой формы актанта (*...Это моя красавица сказала*), оформляться как квалификатив (*...он плоховато здесь объяснил*), включаться в событийную пропозицию (*А знаешь / в «Гремячей Гриве» визит-центры отремонтировали*), организовывать содержание логической пропозиции (*Я не любитель таких походов; Красноярск осенью клевый... короче стильный!*), заполнять модусную часть высказывания (*Плохо что зима*). Вследствие различной степени эксплицитности и определенности, что, кроме прочего, связано с использованной семантической позицией, оценка по-разному влияет на собеседника.
3. В большом числе случаев реализация оценки в высказывании открывает для нее «правый» контекст, который развивает соответствующее содержание по нескольким типичным основаниям: причина и цель оценки; аргументы (основание) оценки; уточнение объекта оценки; альтернативная оценка объекта; уточнение знака оценки и ее качества (точность, уместность, эстетичность). При этом оценочный контекст имеет характер не только инициативный, когда сам автор чувствует необходимость более или менее

подробного комментария, но и реактивный когда на дефицит содержательного основания предпринятой квалификации обращает внимание адресат.

4. Особый тип реактивного оценочного комментария возникает, если адресат, переводя оценку в функциональную плоскость целеполагания, интерпретирует ее как прямое воздействие (*Да согласна / мне идет*), манипуляцию (*Можно было прямо сказать!*), даже внушение (*Ну вы и подготовились... Очень издалека было... Вы по-своему все видите... я / по-своему // Бесплезно меня переубеждать!*). В таком случае возникает риск преобразования ситуации нейтрального повседневного общения в ситуацию речевого конфликта.

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева (Москва)
ИРЯ РАН

РАЗГОВОРНЫЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)

Язык художественной литературы представляет собой открытую многостилевую систему, в которой элементы различных функциональных стилей используются в эстетической функции. Среди них важное место занимает разговорная речь и другие некодифицированные языковые подсистемы – просторечие и жаргоны. В разные эпохи доля некодифицированных элементов и их функции в русской прозе варьировались. В целом наблюдается постепенное размывание стилевых границ, усиление разговорного начала в художественных произведениях. Особенно активно этот процесс происходит в литературе конца XX – начала XXI века.

Функционирование разговорного начала в художественной прозе изучалось такими исследователями, как Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина, Кв. Кожевникова и др. В основном анализу подвергались фонетический, синтаксический, словообразовательный уровни разговорной речи. Лексико-семантический уровень, особенно компаративные тропы, включающие некодифицированные языковые единицы, и их роль в структуре художественного текста, нельзя считать достаточно изученным. По нашему мнению, разговорные компаративные тропы – метафоры и сравнения – важно исследовать, т.к. они выполняют в тексте экспрессивную функцию, в большой степени определяют образ как нарратора, так и персонажей.

Нас будет интересовать взаимодействие компаративных тропов, содержащих лексику разговорной речи, просторечия и жаргонов, с различными типами повествования

в прозе начала XXI века (романы Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной, Д. Рубиной, З. Прилепина, Е. Водолазкина, А. Иванова, М. Степновой и др.).

В противовес устойчивому мнению о том, что разговорные элементы встречаются в основном в диалогах персонажей, наше исследование позволило сделать вывод, что разговорные тропы в современной прозе также наполняют речь повествователя, особенно при выражении в ней точки зрения персонажа. При этом повествование может вестись от как 1-го, так и от 3-го лица.

В докладе с точки зрения использования компаративных тропов будут рассмотрены способы моделирования разговорной речи как в репликах героев, так и в различных повествовательных структурах, в частности в случаях коммуникативного перехода от перволичного повествования к повествованию от третьего лица и обратно; повторы тропов, в том числе сюжетообразующие; обратимость тропов в структуре текста, а также основные семантические классы образов и предметов сравнения тропов, содержащих некодифицированную лексику. Будут также рассмотрены разные группы единиц по стилистической принадлежности внутри этой лексики, среди них особое внимание уделяется компьютерному жаргону, употребление которого в тропах можно считать отличительной особенностью прозы последних лет.

А. Р. Пестова (Москва).

ИРЯ РАН

ИЗМЕНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА СЛОВА В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Д. Н. Шмелёв отмечал, что «...частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестает ощущаться говорящими и слушающими»³. Верно и обратное: «При резком сокращении употребительности нейтральные слова уходили за пределы литературного языка, в просторечие»⁴. Сформулированная учёным в конце 1960-х гг., эта корреляция частотности употребления и стилистической окраски основывалась в первую очередь на интуиции исследователя об употребительности той или иной лексической единицы. Картотеки, имеющиеся в распоряжении лингвистов, не предоставляли информации о статистике употребления лексической единицы за определённый временной интервал. Развитие корпусных методов

---

³ Шмелёв Д. Н. Стилистические изменения в лексике // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 243.

⁴ Там же. С. 248.

открывает перед лексикографами новые возможности исследования стилистической окраски слова с опорой на динамику его употребления.

В докладе будут рассмотрены некоторые слова, изменившие согласно академическим толковым словарям свой стилистический статус во второй половине XX – нач. XXI в. Будут описаны, с привлечением данных Национального корпуса русского языка, две противонаправленные тенденции: 1) повышение стилистического статуса лексической единицы, коррелирующее с увеличением частотности её употребления (*бордовый, блат, гонор* и др.); 2) понижение её стилистического статуса, коррелирующее с сокращением употребительности (*заваль* ‘залежавшийся непроданный товар’, *всполохнуть* ‘внезапно встревожиться’).

Анализ корпусных данных особенно перспективен при работе со словообразовательными дублетами: сравнение их частотности по НКРЯ даёт основания для стилистического противопоставления таких слов, как *горбун* и *горбач*, *вперегонки*, *вперегонку* и *наперегонки*, *околёсица*, *околёсная* и *околёсина*.

С другой стороны, отмечаются ограничения, с которыми сталкивается лексикограф, применяющий данный метод исследования. На стилистическую окраску слова, помимо частотности его употребления, влияет целый ряд факторов, нередко разнонаправленных (например, словообразовательный: универбаты *попутка, мобильник, беспилотник* остаются разговорными, несмотря на увеличение частотности их употребления). Поэтому подчёркивается, что анализ корпусных данных является лишь вспомогательным методом верификации словарных стилистических помет.

М. Н. Приемышева (Санкт-Петербург)

ИЛИ РАН

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»)

1. Языковая игра, являясь креативной формой реализации таких конституирующих свойств разговорной речи, как непринужденность, спонтанность, учет контекста внеязыковой ситуации, экспрессивность и др., традиционно сопутствует соответствующим формам коммуникации, при этом степень ее интенсивности, как правило, можно связывать с креативным лингвистическим потенциалом участников

коммуникации (языковая личность) и с внеязыковой ситуацией, сопутствующей коммуникации.

2. Теоретически представляется, очевидным, что количественный и качественный предел возможностей словообразовательного и лексико-семантического уровня языковой игры очень высок, однако насколько — в обычной ситуации, в традиционной коммуникации трудно измерить.

3. Языковая игра является традиционно очень интенсивным процессом в языке массмедиа, в настоящее время представляющем, по сути, письменную форму устной, как правило, литературной разговорной речи, и количество новых слов, образованных в контексте языковой игры в СМИ очень велико.

5. Однако за период пандемии коронавирусной инфекции (2020–2022 гг.) в СМИ, соцсетях и др. формах устной и устно-письменной коммуникации создатели словарей новых слов зафиксировали такое количество лексико-семантических речевых новаций, преимущественно незуального характера, которые показали, насколько этот потенциал может быть огромен. Безграничность лингвокреативного потенциала разговорной речи становится особенно наглядной при статистическом анализе в употреблении ключевых слов пандемийного дискурса — *ковид* и *корона* (более 1,5 тысяч дериватов с каждым из компонентов, преимущественно окказионального характера); около 150 синонимов для слов *ковид*, *коронавирус* и т. д.

6. Материалом доклада станет новая лексика со словами и с компонентами *ковид*- и *корона*- как изданного «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» как изданного (около 3, 5 тыс.), так и материалы готовящегося дополненного его переиздания (около 6 тыс. слов). В докладе будут рассмотрены основные виды и группы лексики с данными компонентами, их синонимия; сочетаемость, идиоматика и сделаны некоторые возможные обобщения в отношении механизмов и принципов языкового словотворчества и их возможных пределов, свойственные русской разговорной речи в целом.

А. В. Птенцова (Москва)
МГУ им. М. В. Ломоносова

***ОЧЕНЬ ЖЕНЩИНА И НЕМНОЖКО БЛОНДИНКА:
ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ НЕСТАНДАРТНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ
НАРЕЧИЙ СТЕПЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

В докладе будут рассмотрены случаи сочетаемости наречий степени *очень*,

немного, немножко и слегка с существительными. Как показывает материал Национального корпуса русского языка, подобные случаи встречаются достаточно часто, в особенности в современной разговорной речи – вопреки тому, что обычно в описаниях наречий данного типа фиксируется лишь их способность сочетаться с прилагательными, наречиями и глаголами (см., например, соответствующие разделы «Русской грамматики» [М.: Наука, 1980], «Русской корпусной грамматики» на сайте rusgram.ru, статью синонимического ряда *очень, весьма, сильно* в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [М.: Языки славянской культуры, 2003, с. 747–751]).

В подобных сочетаниях в сферу действия *очень* попадают типичные (градулируемые) признаки объекта, указание на которые не входит, однако, непосредственно в значение существительного; например, сочетание *очень женщина* акцентирует такие качества, как преобладание эмоций над логикой, внимание к своему внешнему виду и т. д., ср. еще: *Он уж очень монах, совсем отказался от водки* (В. Гроссман). Однако в контекстах с отрицанием в сферу действия этого наречия попадают семантические компоненты, входящие в значение существительного: *Он вообще не очень журналист – скорее, блогер. Немного, немножко и слегка* также имеют в сфере действия семантические признаки, входящие в значение существительного: если *блондинка* выражает значение ‘привлекательная, но глупая женщина’, то *немного <немножко, слегка>* в сочетаниях с этим существительным градуируют компонент ‘глупая’.

Все перечисленные наречия в подавляющем большинстве случаев сочетаются с существительными, указывающими на людей, и обычно относятся к отрицательно оцениваемым признакам.

Е. В. Пурицкая (Санкт-Петербург)

ИЛИ РАН

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ

В докладе предлагается затронуть один из «вечных» вопросов толковых словарей: описание слов диалектного происхождения. Данная проблема критически обсуждается в научной литературе начиная с 1960-х гг. (в работах Ф. П. Филина, Л. И. Балахоновой, Г. Н. Скляревской, Л. Г. Самотик, О. Г. Пороховой, О. И. Блиновой, С. А. Мызникова и др.), тем не менее, многие словари литературного языка, в частности, БАС-3, продолжают

«балансировать» между традиционными пометами *Обл., Прост., Разг., Спец. и Устар.* Представляется, что проблема кроется прежде всего в глубинном противоречии в концепции БАС: противоречии принципа *историзма*, оставшегося в БАС-1 от «шахматовского» издания и обусловленного в том числе хронологическими рамками словаря («от Пушкина до наших дней»), и принципа *нормативности*, т.е. отражения текущей стадии языковой синхронии и кодификации современной литературной нормы. Разрешить данное противоречие (коренящееся в самой структуре словарной статьи), в традиционной бумажной форме словаря, очевидно, невозможно: это задача электронной формы лексикографического представления. Для разработки концепции такого электронного представления применительно к лексике диалектного происхождения необходимо решить ряд вопросов: 1) определить понятие «диалектное» для каждого из этапов внутри периода «начало XIX — начало XXI вв.», выделив современный период; 2) определить роль диалектной лексики в каждый из периодов; 3) исходя из этого разработать алгоритм описания слов. В докладе приводятся некоторые наблюдения над функционированием слов диалектного происхождения в современном языке: в художественной литературе, публицистике, СМИ (по материалам НКРЯ, интернета и др.); анализируется их описание в толковых и диалектных словарях (*вмале, вдогад, гунявий, глот, кисляй, навильник, oprичь* и др.). Предлагаются способы лексикографического описания, позволяющие актуализировать их статус в современном языке, не обедняя при этом историю их жизни на протяжении исторического периода «от Пушкина до наших дней».

А. Раскина (Новый Орлеан, США)

«ВАМ НАСЛАЙСАТЬ ИЛИ ПИСОМ?»

Доклад посвящен англоязычным вкраплениям в устную русскую речь российских иммигрантов в США в 21-ом веке.

Автор стремится подметить как можно больше разнообразных моделей таких вкраплений и, по возможности, предложить объяснения тех или иных закономерностей, характерных для этих моделей.

Наблюдения показывают, что характер этих вкраплений во многом зависит от образования иммигранта, его «культурности», от того, сталкивался ли он с английским языком ранее, от возраста, в котором он приехал, среды, в которую он попал по приезду.

Легко объясняется включение в речь английских слов (в их русифицированном фонетическом облике и морфологическом оформлении) для обозначения вещей, с которыми иммигрант на родине не имел дела. Отсюда не «налоги», а «таксы», не «акции», а «стоки» или даже «стаки», не «наличные», а «кэш», не «страховка», а «иншуранс», и т. п. Сюда же относятся названия для национальных меньшинств в США: негров, латиноамериканцев, китайцев, индийцев и т. д. По-разному справляются с этим русские иммигранты.

Менее понятны мотивы предпочтения английских вариантов русским в случае, когда речь идет о вещах, хорошо известных говорящему по его жизни в России: «казин» вместо «двоюродный брат», «роч» (английское “roach”), а не «таракан», и т. п.

Автор собирается также привести в докладе примеры заимствований, которые не полностью объясняются или даже никак не объясняются какой-либо известной ему моделью. Возможно, в будущем автору удастся продвинуться вперед в этом смысле.

Е. В. Рахилина (Москва)

НИУ ВШЭ

ВПОЛНЕ ПРИЛИЧНЫЙ ДОКЛАД

Работа посвящена признаковому слову *приличный* / *прилично*, которое в сегодняшнем русском радикально расширило свою сочетаемость и развило новое значение, которое, судя по данным НКРЯ, успешно вытесняет (а в разговорных текстах и прессе уже и вытеснило) другие его употребления. Это значение очень частотно и связано с идеей интенсивности (1), большого количества (2) и оценки (3). Ср. примеры из корпуса устных текстов НКРЯ:

(1) <...> по Ярославлю кризис **прилично** ударил / заводы тут притормозились ... [Встреча сотрудников музея со студентами (2013)]

(2) <...> пятимесячный этот / оклад <...> Ну там **прилично** получается/ там... почти полмашины. [Разговор при встрече (2014)]

(3) Прикинь/ у меня мама вчера ела яблоко... довольно **приличное** с виду... <...> а там... прям ей в глаза смотрит такой жирный червяк <...> [Телефонные разговоры московских студенток (2007)]

На первый взгляд, с этой лексемой произошел своего рода непрогнозируемый семантический скачок, который внезапно вывел его из естественной семантической колеи, исторически восходящей к существительному *лицо* (*при-личный*) и связанной с идеей соответствия принятым социальным правилам (ср. *приличное* / *неприличное слово*). Наше

исследование показывает, однако, что на самом деле этот кажущийся скачок не нарушил естественных связей и произошел в соответствии с ожидаемыми семантическими переходами, которым следуют и другие близкие слову *приличный* на разных этапах его изменения лексемы и конструкции.

Н. Н. Розанова (Москва)

ИРЯ РАН

«ИМЯ СИТУАЦИИ» КАК ОСОБЫЙ ТИП НОМИНАЦИЙ В РР И ПРОБЛЕМЫ ИХ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Номинации, связанные с разного рода типовыми ситуациями непринужденного неофициального общения составляют важную часть повседневных речевых практик носителей разговорной речи. Каждая типовая ситуация имеет свой набор лексических средств и актуальных значений. При этом многие общеупотребительные слова, «встраиваясь» в стереотипную ситуацию, приобретают совершенно новое, специфическое значение, изменяются их сочетаемостные возможности. Ср., например функционирование слов *уступить* в ситуации рынка (*будете брать/ уступлю//*); *разойтись* при расчете с покупателем (*Ой/ а помельче [купюры] нету? А то мы с вами не разойдемся//*) и т.п. Некоторые лексемы могут иметь несколько разговорных значений, типичных для разных сфер употребления. Ср., например, значения слова *хвост*: 1) 'задняя часть движущегося транспортного средства' (*Пойдем в хвост// У нас выход из заднего вагона//*); 2) 'длинная очередь' (*Давай не будем стоять/ давай пойдем отсюда/ смотри хвост какой!*); 3) 'не сданный вовремя зачет или экзамен по какому-л. предмету' (*– Ну всё/ сессию сдали// – Это ты сдала/ а у меня еще хвост по матанализу//*) и др. В ТСРР у данного слова выделяется 10 значений).

Особая группа слов, связанная с типовыми ситуациями, представляет собой наименование таких ситуаций. Л. А. Капаназде, впервые исследовавшая этот тип разговорных номинаций, назвала их «именами ситуации» [Русская разговорная речь 1973: 436]. Значение подобных слов синкретично, оно связано не с каким-либо предметом, лицом, действием и т. п., а «втягивает» в себя целый ситуационный контекст. Синкретичные наименования ряда типовых ситуаций отражены в ТСРР. Ср., например, словарные статьи: КАРТОШКА (во 2 знач.) – 'организованный сбор урожая картофеля городскими жителями, в основном студентами', ОБЕД (во 2 знач.) – 'перерыв в работе

учреждения, предприятия и т. п. (обычно в середине рабочего дня), во время которого его сотрудники отдыхают и обедают’, ЧЭС² (в 1 знач.) – ‘серия гастролей представителей творческих профессий (артистов, писателей, музыкантов и т.п.) или политиков в разные места с целью заработка, саморекламы и т.п.’. Яркое свойство подобных лексем – их необычная сочетаемость, обусловленная их высокой конситуативной зависимостью, «встроенностью» в ситуацию. В докладе будут рассмотрены слова-наименования типовых ситуаций и особенности их сочетаемости в различных разговорных контекстах.

Литература

Русская разговорная речь. М., Наука, 1973.

Р. И. Розина (Москва)

ИРЯ РАН

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ: МЕЖДОМЕТИЯ И ГЛАГОЛЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Доклад посвящен части речи, до сих пор не получившей в русистике общепринятого названия: её называют сказуемостным междометием, глагольным междометием, глаголом ультрамоментального действия и т.п. Эти названия объединяют две группы лексических единиц: а) единицы, омонимичные ряду первичных междометий, например: *бабах!* 1. ...часовой приложился и – *бабах!* – ковырнул человека прямо в лужу (Ю. Домбровский); 2. *Тот мимо едет, и вдруг пришло ему в голову: бабах в милиционера!* (Вс. В. Иванов); и б) единицы, соотносимые с глаголами, например *шастать* – *шасть*: *Сейчас самое время такое, что надзиратели шастают по баракам* (А. Солженицын); ...она приезжает, *шасть* под кровать, и тоже куколку вытаскивает (ЖЖ, 26.09.2020).

В связи с этими лексическими единицами возникает целый ряд проблем:

1. Источники и способ образования единиц первой и второй группы.

Рассматриваются две гипотезы: А. В. Исаченко (возникновение глагольного значения у единиц типа *бабах* под влиянием контекста) и С. О. Карцевского (развитие глагольного значения в цепочке с промежуточным звеном – глаголом, образованным от междометия). Также обсуждается вопрос о том, образуются ли соотносимые с производным глаголом формы в результате усечения или обратного словообразования.

2. Какие именно группы междометий могут быть источниками глагольных значений, и какие тематические группы глаголов способны участвовать в образовании форм типа *шасть*?

3. Как значения отмеждоментных суффиксальных глаголов связаны с значением образованных от них глагольных форм? Рассматривается полисемия отмеждоментных глаголов и случаи омонимии глагольных форм.

4. Полная цепочка с первым звеном — междометием имеет вид *бабах* (междом.) – *бабахнуть* (глагол.) – *бабах* (глагол. форма) – *бабах*, где четвертое звено, междометие, синонимично междометию *раз* в его употреблении при обозначении быстрой смены ситуации, ср.: *Сначала будет все замечательно/ а потом бабах и все!* (Самара, 2004). Полная цепочка с первым звеном- глаголом имеет вид *глянуть* — *глядь* – *глядь*, где третий член также указывает на быструю смену ситуации: *Кажется, только что был Новый год, а глядь – уже февраль на календаре*. Таким образом, может идти речь о четырехчленной и трехчленной парадигмах междометно-глагольных форм, в связи с чем возникает вопрос, в каких случаях парадигмы могут быть неполными, т.е. когда и почему выпадает одно из звеньев, например, четвертое в цепочке *чих* (междом., звук чихания) – *чихнуть* – *чих* (глагольная форма, действие чихания: *Она меня спрашивает что-то, а я только чих, чих, чих, как заведенный*).

Литература

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Изд. 2. Москва: Языки славянской культуры, 2003, с.508.

Карцевский С. О. Введение в изучение междометий //ВЯ, 1984, № 6, с. 127- 137. (<https://liconism.com/images/documents/1019/КАРЦЕВСКИЙ%20Введение%20в%20изучение%20междометий.pdf>) Дата обращения 01.01.2023

О. И. Северская (Москва)

ИРЯ РАН

«СЮДА Я БОЛЬШЕ... НЕ ЕДОК?» (ОБ ЭКСПАНСИИ ИМПЕРАТИВА *ЕДЬ!* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)

В то время как грамматики, словари и справочники продолжают настаивать на том, что формой императива глагола *ехать* является вариант *езжай, езжайте*, в разговорной речи нормативный вариант практически полностью замещен формой *едь, едьте* и ее производными – *поедь(те), заедь(те), приедь(те), подьедь(те)*. Колебания в выборе подтверждают примеры типа: «Как правильно: «едь», или «ехай», или «езжай»? Никак! Повелительная форма от глаголов «поехать» и «ехать» будет только «Поезжай» или

«ЗАезжай», «ПРИезжай» и т.п. Употребление слова «езжай» без приставки считается допустимым, но нежелательным в разговорной речи» [Пишем правильно // «Вечерний Оренбург», 2013].

Как основной, так и газетный, а также устный и мультимедийный корпуса Национального корпуса русского языка дают статистику, которая позволяет говорить о четко обозначившейся в 2000-х годах тенденции: в общей сложности 75 примеров употребления императива *едь*, 25 примеров *приедь*, 20 *заедь* и т.д.

Интересно, что эта форма встречается и в текстах XIX века, преимущественно (но не всегда) как просторечие. Но пример из «Пагубы» Е.П. Карновича (1887), где «приедь» появляется в письме Михаила Бестужева к предмету обожания («Понеже сего дни куртаку (куртага) не будет, пожалуй, *приедь* ко мне, друг мой; пробавим вечер вместе; мне грустно, когда вас не вижу, хотя вам и не так, то для меня учините»), позволяет предположить, что речь может идти и о «старшей» норме, проигравшей конкуренцию форме *приезжай*.

Сервис распределения употреблений по годам дает любопытную картину: проявляясь в XIX в., *едь* практически исчезает в XX в., «воскресая» на рубеже XX-XXI вв. И уже не как просторечие, а как разговорная форма, имеющая тенденцию к нормализации (во всяком случае – в речевой поп-культуре). Ее статус в рамках этого активного процесса и предстоит оценить.

О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева (Саратов)
СГУ

ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В современной разговорной речи (далее – РР) происходит ряд активных процессов, свойственных и другим сферам коммуникации, наблюдается пополнение лексического состава. Усиление глобализации и цифровизации современной жизни приводят к проникновению в РР заимствований, как правило, из английского. Чаще всего это необходимые нашему языку номинации новых реалий жизни. Ср., например, простые и сложные номинации (композиции): *риелтор*, *Интернет*, *онлайн*, *лайфхак*. Новейшая лексика в РР отражает процессы, связанные с пандемией (*ковидарня*, *ковидно*), внешнеполитическими событиями (*санкционка*, *зет-мобиль*) и т.п.

Снижение заботы о форме выражения мысли приводит, в частности, к сдвигам в значении некоторых наречий (*дико вкусный*, *страшно красивый*), расширению их

сочетаемости (*люто любить, вприкуску с кефиром*), появлению новых значений у некоторых прилагательных (*токсичный человек*) и др.

Особые функции в РР приобретают некоторые личные и указательные местоимения. Ср., например: качественные конструкции с, казалось бы, плеонастическим употреблением личного и указательного местоимений в роли предикатов в высказываниях, называющих свойства субъекта (*Всегда накормит/ угостит// Бабушки/ они такие//*); дублетные личные местоимения в высказываниях с именными предикатами, характеризующими качества человека (*Короче баба/ она – чистая украинка//*); использование местоимения *такой* в функции десемантизированного «грамматического оформителя» [Сатюкова, Воейкова 2010] (*И/ мальчик этот/ на меня смотрит/ и я такая просто такая загибаюсь/ он такой вначале смеётся...*).

Литература

Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. №2. С. 184–224.

Е. В. Скачкова (Москва)
МГУ им. М. В. Ломоносова

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА: ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Русскую разговорную речь отличает высокая степень интенсификации, осуществляемой при помощи различных языковых средств, образующих отдельное функционально-семантическое поле интенсивности (далее — ФСПИ). Вслед за С.Е. Родионовой мы признаем, что ФСПИ имеет трехкомпонентное ядро, в которое входят лексические, словообразовательные и морфологические средства, и периферию, включающую синтаксические и фонетические средства [Родионова 2004]. Довольно часто в разговорной речи интенсивность непроецессуального признака выражается комплексом средств, который предлагается называть множественной интенсификацией. Используя множественную интенсификацию, говорящий добивается большей экспрессивизации высказывания и усиления эмоционального воздействия на адресата, а также маркирует информацию как наиболее важную для него и/или собеседника. Комбинации могут включать единицы одного языкового уровня:

(1) *На улице идет **очень сильный ливень**, лучше останься дома* (в примере представлена комбинация лексических средств интенсификации).

(2) *Я не обижаюсь что ты не дала мне денег на **суперультрамодные** и красивые сапоги* (в примере представлена комбинация словообразовательных префиксов-интенсификаторов, т.н. гиперпрефиксация).

С другой стороны, такие комплексы могут состоять из единиц разных уровней. Наиболее распространенным вариантом подобной множественной интенсификации является комбинация лексического и словообразовательного интенсификатора:

(3) *У меня запланировано **очень архиважное** мероприятие.*

Как видно из приведенных примеров, множественная интенсификация может быть представлена как вполне узуальными случаями (пример (1)), так и теми, которые не одобряются ни нормой, ни узусом (примеры (2) и (3)). Анализу подобных неузуальных примеров множественной интенсификации, их функционированию и причинам появления в большей степени посвящен доклад.

Литература

Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. — М.: МАКС пресс, 2004. — С. 300–313.

О. В. Соколова (Москва), *Е. В. Захаркив* (Москва)
Институт языкознания РАН

АНОМАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ КАК МАРКЕРОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Большинство исследований дискурсивных слов (далее – ДС) направлены на изучение их функционирования в разговорной речи. Однако современная лингвистика все чаще обращается к ним с дискурсивно-специфической точки зрения [Simon-Vandenberg, 2000; Добровольский, Левонтина, 2017 и др.]. Хотя некоторые исследователи рассматривают ДС в поэтическом дискурсе [Dardano 2012], их функционирование в современной поэзии остается малоизученным.

Специфика употребления ДС в современной поэзии представляет особый интерес в связи с тем, что она взаимодействует с разговорной речью, используя разговорный синтаксис, лексику и прагматические показатели. Употребляя дискурсивные маркеры с целью метаязыковой рефлексии и «дестереотипизации», поэзия вовлекает их в поле

эксперимента с прагматикой. Отклонение от языковой нормы проявляется в нарушении как формальных, так и функционально-семантических характеристик: контекстуальная деграмматикализация: *Нам же [...] / остается ночами зализывать рваные раны / мечтая, наконец, о конце* (Х. Закиров); нарушение причинно-следственных связей: *Кому это? Тем, кто не выбрался? Следовательно — куда?* (А. Драгомощенко) и т.п.

В докладе будут рассмотрены особенности функционирования ДС в современной поэзии в сопоставлении с разговорной речью. Опираясь на данные авторского корпуса поэтических текстов и НКРЯ, мы рассмотрим специфические характеристики ДС в поэзии и выделим общие черты их функционирования для двух подсистем языка.

Литература

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Дискурсивные частицы и способы их перевода: ну в романе Владимира Сорокина «Очередь» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог 2017». Вып. 16 (23). М.: РГГУ, 2017. С. 106–117.

Dardano M. Segnali discorsivi della prima poesia italiana // *Pragmatique historique et syntaxe*. Frankfurt a. M., 2012.

Simon-Vandenberghe A.-M. The functions of *I think* in political discourse // *International Journal of Applied Linguistics*. № 10. 2000. P. 41-63.

О. В. Трефилова (Москва)

Институт славяноведения РАН

О ВОЛОНТЁРЕ

В докладе на материале данных исторических словарей, словарей современного русского языка, НКРЯ, художественной литературы и интернет-ресурсов будет проанализировано, как менялось значение слова *волонтёр*, вошедшее в активное употребление в XXI в. Зафиксированное впервые в русском языке в начале XVII в., оно долгое время обозначало военного вольнонаемника. Значение слова в русском языке незначительно варьировалось на протяжении почти четырех веков, оставаясь почти неизменным. В середине XX в. в словарях слово *волонтёр* часто дается с пометой *устар.* В 1980-е гг. встречается некоторое число употреблений слова в значении '(невоенный) доброволец', отличающемся однако от современного. Только в последние 30 лет у слова появляется новая жизнь: оно развивает значение 'человек, добровольно и бесплатно выполняющий общественно полезный труд'. Новое значение, в котором *волонтёр* употребляется в XXI в., появляется в середине 1990-х гг. и, вероятно, является не

результатом семантического сдвига, а семантическим заимствованием. Это значение до сих пор слабо зафиксировано в словарях. Глагольные дериваты, образованные от основы *волонтёр*, активно используемые в разговорной речи и в СМИ (*волонтёрить*, *волонтёрствовать*), в словарях отсутствуют. Феминитив *волонтёрка*, представленный в большинстве словарей, наоборот, практически вышел из употребления, несмотря на современную тенденцию к образованию феминитивов в разговорной речи.

Е. В. Урысон (Москва)

ИРЯ РАН

ЕДИНИЦЫ НЕ ДОХОДЯ / НЕ ДОЕЗЖАЯ (ДО СТАНЦИИ): УПОТРЕБЛЕНИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС

В докладе предполагается рассмотреть употребление двух единиц с не вполне ясным грамматическим статусом: *Не доходя / не доезжая до станции (будет супермаркет)*. В традиционной грамматике они относятся к классу производных предлогов. В докладе будет показано, что это решение далеко не бесспорно. Будет проанализировано употребление этих единиц в современном языке, а также обсуждены возможности их грамматического описания.

И. В. Фуфаева (Москва)

РГГУ

О. Г. Згировская (Москва)

ВШЭ

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РАЗГОВОРНЫХ ФЕМИНИТИВОВ

Доклад посвящен проблемам, возникающим при описании разговорных единиц в процессе работы над словарем феминитивов, который готовится к изданию в 2023 году коллективом под руководством М. А. Кронгауза. Надо отметить, что в словник словаря включаются только феминитивы, образование и употребление которых отличается от стандартного.

1. Проблема поиска и отбора источников формирования словника словаря, в том числе включения / невключения феминитивов в современные опубликованные словари.

2. Проблема критериев отбора заголовочных пар / троек / четверок феминитивов (*адвокатесса – адвокатка – адвокатша*) с учетом частотности употребления каждого

феминитива. Вопрос о сравнительной частотности использования феминитива и парного слова мужского рода по отношению к женщине.

3. Влияние на поиск феминитивов словообразовательной омонимии вида «*партнерка* – ‘партнерская программа’ и ‘партнерша (в феминистическом дискурсе)’».

4. Проблема кодификации новых образований, характерных для феминистического дискурса (например, *авторка, редакторка*) и их конкуренции с давно существующими феминитивами, в том числе разговорными (*авторша, редакторша*).

5. Проблема отражения в словаре феминитивов, которые впервые появились в 18-19 вв., затем были забыты, не прижились или получили негативные коннотации (*адвокатка, поэтка, партнерка* и т.д.), а в современном феминистическом дискурсе были сконструированы заново как политкорректные единицы.

6. Проблема стилистической и оценочной маркированности феминитивов, возникающая как из-за нечеткости стилистических помет «разговорное» и «просторечное» и их разнобоя в разных словарях, так и из-за отсутствия в источниках прагматических помет при наличии оценочной маркированности в восприятии некоторых феминитивов частью опрошенных носителей русского языка.

В докладе будут рассмотрены как данные проблемы с иллюстрирующим их материалом, так и пути их решения, предлагаемые авторами словаря.

И. А. Шаронов (Москва)

РГГУ

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЕДИНИЦЫ ДИАЛОГА

В докладе рассматриваются стереотипные реплики, прагматически привязанные к типовым ситуациям, которые упрощают и автоматизируют бытовое взаимодействие коммуникантов. Существует мнение, что частота встречаемости типовых реплик в диалоге и их значение связаны обратно пропорционально: частотность использования приводит к выветриванию лексического значения и расширению прагматической информации.

Мы различаем ситуативные стереотипные формулы (прагматы в терминологии И. А. Мельчука), сохраняющие лексическое значение и одновременно передающие информацию о типовой ситуацией их использования (напр.: *Осторожно, двери закрываются!*) и дискурсивные стереотипные формулы, привязанные и к ситуации, и к их стандартному месту в дискурсивном взаимодействии. Последние делятся на

1) рутины (полноценные речевые ходы, отдельные реплики диалога. Это побудительные междометия (*живее!, но-но!, поехали!, хорош!..*) и коммуникативы (*Ну да, Да ну, Какое там, Лады, Разбежался, Еще не вечер...*) и

2) гамбиты: автономные стереотипные формулы, сопровождающие диалогическую реплику. Сюда относятся вводные дискурсивы (*Будь добр, Р; Ну правда, Р; А ты знаешь, Р; Р, я тебе скажу*) и постфразовые диалогические частицы (*Р, ладно?; Р, точно?; Р, хорошо?; Р, точно?*).

О. А. Шарыкина (Москва)

ИРЯ РАН

АХНУТЬСЯ, ШМЯКНУТЬСЯ И ДРУГИЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'УПАСТЬ' И 'УДАРИТЬСЯ' В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

Разговорные многозначные глаголы, а также глаголы со сложным значением представляют определенные трудности для словарного описания. В частности, у некоторых таких глаголов возникает проблема разграничения значений. И речь не только о лексемах с так называемым размытым, диффузным значением. Опыт работы над «Толковым словарем русской разговорной речи» (ТСРР) показывает, что определенные сложности могут быть при описании разговорных глаголов со значением 'упасть' и 'удариться' (напр., *ахнуться, бабахнуться, бахнуть, жахнуть, гробануться, рубануться, тянуться, ухнуть, шкваркнуться, шмякнуться* и др.).

В ТСРР эти глаголы описаны по-разному. В одних случаях выделяется два самостоятельных значения: 'упасть' и 'удариться'. Ср.:

БАХНУТЬСЯ.

1. Упасть, обычно с шумом. *Ещё чуть-чуть и бахнулась бы в обморок; Утром встала закрыть за ней дверь и снова бахнулась на кровать; Увидев это, я так и бахнулась на стул в оцепенении, это было очень жутко; Надеюсь, штукатурка не бахнется мне на голову* (Блоги, 2012).

2. Сильно удариться. *В стену бахнул!*; *Этот парень просто-напросто на меня навалился/ так что я чуть ли в окно лбом не бахнулась*// (Записи устной речи, 2011)⁵.

Определяющую роль при этом играет то, что в одних примерах в фокусе внимания оказывается падение, в других – удар, получение травмы, а также то, что травма может быть получена и не в результате падения (ср. *бахнул об стену ногой*). Учитывается

⁵ Фрагмент словарной статьи М. Я. Гловинской.

также различное управление глаголов в разных значениях, ср.: бахнуться *куда* (падение) и бахнуться *обо что, во что чем* (удар).

В других случаях выделение двух самостоятельных значений глагола оказывается затруднительным, поскольку оба события (падение и удар), которые описывает глагол, тесно связаны друг с другом: обычно второе является прямым следствием первого. Это может быть описано в рамках одного (сложного) значения или может быть отражено в зоне PRAGM (прагматика) словарной статьи, ср.:

ШМЯ́КНУТЬСЯ.

1. О человеке или животном: упасть с высоты на что-л. твёрдое и удариться или получить травму. *Травма будет считаться производственной только в том случае, если опьянение наступило по вине работодателя. Например, в офисе красили стены, а вы надышались паров, заработали себе головокружение и неудачно **шмякнулись** с лестницы* (Труд-7, 05.05.2009)⁶.

У́ХНУТЬСЯ.

1. О человеке или о чём-л. тяжелом: упасть (обычно с большой высоты) с шумом, стремительно и внезапно.

PRAGM: значения 'упасть' и 'удариться' могут совмещаться. *Головой с лестницы **ухнулся***// (Запись устной речи, 2009)⁷.

Таким образом, словарное представление данных глаголов может быть разным в зависимости от их семантических и синтаксических особенностей.

Литература

Толковый словарь русской разговорной речи. (Вып. 1–5) / Коллектив авторов. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2022. СПб.: Нестор-История (в печати).

Л. Л. Шестакова (Москва)

ИРЯ РАН

СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ЧАСТЬ СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

⁶ Фрагмент словарной статьи Р. И. Розиной.

⁷ Фрагмент словарной статьи Е. В. Какориной.

Основным источником исследования послужило издание «Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов» (2016). Антология содержит подборку произведений 115 современных поэтов, пишущих на русском языке. Тексты каждого автора представлены в отдельной главе, имеющей свой номер.

Анализ книги с точки зрения ее лексического состава выявил значительный массив единиц, имеющих сниженную стилистическую окраску. Интерес представляет и сам набор таких единиц, и то, как они проявляют себя в поэтических текстах.

Даже небольшой ряд примеров демонстрирует различие выявленных слов по степени их стилистической сниженности, укорененности в языке, по принадлежности к тем или иным семантическим группам и т.д.; показывает, в конечном счете, какая именно разговорная, просторечная, жаргонная лексика актуализируется в современной поэзии. Ср.: *бедовый, врать, доча, дрейфить, заделать (стишок), зазря, заткнуться, канючить, кореш, маршрутка, мегера, мразь, нервяк, непруха, нищеброд, норовить, обмылок* (о человеке), *оплошка, придурок, пьянчуга, размазня, рифмоплет, рожка, тархтеть, телек, треники, фигня, фортка*. Основную часть выбранных единиц ожидаемо составляют слова разового употребления, есть, однако, и повторяющиеся, используемые разными поэтами (*алкаш, лыбиться, покуда*), иногда образующие словообразовательные гнезда (*бомж, бомжеватый, бомжара*).

Сниженная лексика в антологии прямо не связана с определенными темами и мотивами, при этом в текстах ее экспрессивный потенциал проявляется весьма разнообразно. Слова со сниженной окраской участвуют в формировании звукового облика текстов (*вечер / чертовщина черёмуха*; ср. рифменные пары: *стервозна – поздно, хэппи-энд – мент*), их образного строя (*Понабежали тени длинами – Коротышами и детинами; И пространство пашет за двоих*) и т.д. Как при этом заостряется смысл сказанного, какие он приобретает коннотации, видно при разборе отдельных произведений.

К. М. Шилихина (Воронеж)

Воронежский государственный университет

ПО СУТИ И ПО СУЩЕСТВУ: МАРКЕРЫ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В УСТНОЙ РЕЧИ И КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В докладе рассматривается функционирование словосочетаний *по сути* и *по существу*. Имеющиеся исследования сосредоточены преимущественно на функционировании этих маркеров в письменных текстах. Цель данного исследования – описать прагматические характеристики этих дискурсивов в устной и компьютерно-

опосредованной коммуникации. Исследование проводится на материале устного подкорпуса НКРЯ и ГИКРЯ.

Данные словосочетания употребляются как дискурсивные маркеры, общая прагматическая функция которых заключается в указании на достоверность сообщаемой информации, однако прагматикализация конструкций *по сути* и *по существу* еще не завершена. Полнозначные употребления описывают ситуацию речевой деятельности, связанной с потребностью в точной и достоверной информации:

Давайте по сути.

Отвечайте по существу / пожалуйста!

На востребованность маркера *по сути* в устной речи указывает рост частотности его употребления, начавшийся в 1990-е годы. Частота употребления маркера *по существу* в устной речи остается стабильно низкой – около 20 вхождений на 1 млн. словоупотреблений.

Наиболее характерными позициями в высказывании для обоих маркеров является начальная и «разрывная», когда маркер «вклинивается» в синтаксическую группу. Такой разрыв позволяет говорящему привлечь внимание адресата к тому фрагменту высказывания, который следует непосредственно за маркером.

Помимо оценки достоверности и в устной, и в компьютерно-опосредованной коммуникации маркер *по сути* используется в контекстах-объяснениях:

И происходит это за счёт того/ что спутники оказывают своё гравитационное/ мы говорим/ приливное воздействие на структуру колец/ состоящих главным образом из частиц/ то есть по существу/ это мелкие спутники вокруг планеты

В устной речи *по сути* и *по существу* могут использоваться как хезитативы:

Щас вот по сути го.../ говоря это самое/ Курильская гряда вообще наша/ вплоть до понимаешь до Японских островов/ шо вот они просят это четыре острова.../

Таким образом, *по сути* и *по существу* позволяют говорящим не только соотносить ситуацию с реальным миром и маркировать информацию как достоверную, но и объяснять факты либо подбирать наиболее оптимальный способ номинации явлений.

А. Д. Шмелев (Москва)

ИРЯ РАН

ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В докладе рассматриваются вехи прагматикализации языковых единиц при их использовании в разговорной речи. К таким вехам отнесены прагматическая обязательность (когда в отсутствие некоторой дискурсивной единицы высказывание

может породить ложные импликатуры) и семантическое «выветривание», когда семантическое содержание единицы в конкретном высказывании трудно определимо (так называемые «слова-паразиты»). Пути прагматикализации языковых единиц различны, и, соответственно, вехи прагматикализации выделимы не на каждом пути. В докладе делается попытка обосновать необходимость тщательного анализа каждого отдельного использования языковой единицы, «подозреваемой» в завершении процесса прагматикализации.

Е. Я. Шмелева (Москва)

ИРЯ РАН

КОНКУРСЫ «СЛОВО ГОДА»: ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ЛЕКСИКИ

В докладе рассматриваются принципы, на которых в разных странах и разных институциях (Google, Webster, Duden и др.) отбираются слова года. Списки слов, представленных на конкурс, наглядно демонстрируют трудности разграничения функциональных стилей разговорной речи, общего и профессионального жаргона, окказиональных образований и неологизмов и др. Как кажется, эти же проблемы встают и перед авторами словарей разговорной речи, поэтому изучение материалов конкурса «Слово года» могут быть полезны для составления словарей таких словарей.

Сабольч Янурик (Будапешт)

НОВЫЕ ГЛАГОЛЫ-АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

НАЧАЛА XXI ВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В количественном отношении глаголы с заимствованной основой традиционно уступают не только иноязычным существительным, но и прилагательным. Однако в последнее время в русском языке (особенно в его разговорном варианте) можно наблюдать значительный рост числа глагольных неологизмов, образованных от лексических единиц английского происхождения.

В докладе новые глаголы-англицизмы, появившиеся в русской разговорной речи в начале XXI века, рассматриваются в лексикографическом аспекте. В центре нашего внимания стоят проблемы представления данной группы английских заимствований в словарях разных типов, опубликованных за последние 10 лет: в неографических изданиях [НРЛ-2015–2021, СлКЭ 2021, СП 2014–2018], в словарях (новых) иноязычных слов [АСМ 2019, Голикова 2021, Дьяков 2021, Ходжагельдыев–Шурупова 2018, Шагалова 2017, Baldwin 2021], а также в академических толковых словарях [АТос, ТСРР] и в

специальных изданиях, описывающих современный русский язык в интернете [Кронгауз 2016, Хайдарова 2012].

Особое внимание уделяется следующим зонам словарных статей: 1) этимологическая справка (обсуждаются трудности решения вопроса о том, имеет ли место прямое заимствование английского глагола или, скорее, словообразование на русской почве), 2) грамматическая информация (отмечается отсутствие указания на вид глагола и его спрягаемые формы во многих словарях), 3) стилистические пометы (проблемы отнесения анализируемых слов к разным функциональным стилям: разговорной, сленговой или жаргонной лексике).

Отдельного рассмотрения требуют многозначные глаголы-англицизмы, развивающие в русской разговорной речи переносные значения вследствие детерминологизации. Таким семантическим изменениям подверглись, например, следующие глаголы, которые первоначально употреблялись только в компьютерной сфере: *ангрейдить* ‘повышать уровень работы устройства’ [Ходжагельдыев–Шурупова 2018: 11] > ‘повысить в должности’ (АСМ 2019: 10), ‘предоставить услуги с повышением категории’ (Дьяков 2021: 57); *чипировать* ‘внедрять чип в организм’ [Ходжагельдыев–Шурупова 2018: 185] > *прочипировать* ‘вакцинировать против COVID-19 (*ирон.*)’ (НРЛ-2021: 172); *ачивить* ‘в компьютерных играх: набирать достижения’ > ‘добиваться успеха в чем-л.’ [Голикова 2021: 61] и др.

Литература

АСМ 2019 – *Конишевский Д. В., Кушнарёва Н. В., Ветров С. А.* Неологизмы цифровой культуры. Активный словарь миллениала. М.–Берлин, 2019.

АТoS – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1–2. М., 2016.

Голикова 2021 – *Голикова Т. А.* Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг. М.–Берлин, 2021.

Дьяков 2021 – *Дьяков А. И.* Словарь англицизмов русского языка. М., 2021.

Кронгауз 2016 – *Кронгауз М. А.* (ред.) Словарь языка интернета.ru. М., 2016.

НРЛ-2015–2021 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015–2021. СПб., 2018–2022.

СлКЭ 2021 – *Приемышева М. Н.* (ред.) Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб., 2021.

СП 2014–2018 – *Вишневецкая М.* (сост.) Словарь перемен 2014–2018. М., 2015–2022.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Т. 1–5. М., 2014–2022.

Хайдарова 2012 = *Хайдарова В. Ф.* Краткий словарь интернет-языка. М., 2012.

Ходжагельдыев–Шурупова 2018 – *Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С.*
Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет.
М., 2018.

Шагалова 2017 – *Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов. М., 2017.

Baldwin 2021 – *Baldwin Yuliya*: English Loans in Contemporary Russian. New York,
2021.